

Борис Штейман
Любитель истории

Остросюжетный роман

Борис Штейман

Любитель истории

«Издательские решения»

Штейман Б.

Любитель истории / Б. Штейман — «Издательские решения»,

Бежит по кругу старая цирковая лошадь... Стремительно разворачивается действие под жалостливые звуки шарманки. Летят медяки в подставленную шапку. Причудливо переплетаются в романе прошлое и настоящее.

Врывается с револьвером Шарманщик в здание Тифлисского банка...

Делает резкий поворот сюжет, возвращая читателя в наши дни с до боли знакомыми реалиями. Пытаются использовать спецслужбы в своих целях литератора средней руки Желудина. Что же связывает его с таинственным Шарманщиком?

© Штейман Б.

© Издательские решения

Содержание

Гуго пьет	6
Душка Желудин	10
Разговор Желудина с бывшей женой	15
В революцию и обратно	18
Экс	25
В ночной клуб	28
«Вернулся я на родину...»	30
Неприятный оборот	34
Очная ставка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Любитель истории

Остросюжетный роман

Борис Штейман

© Борис Штейман, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муха медленно ползет по белому пыльному гипсовому носу. Он хорош, больше такого нет ни у кого, не было и не будет! С утолщением на конце и едва заметной горбинкой. Слегка сдвинут на бок. И, слава богу! Хоть не надо хитрить и притворяться симметричным. Это было бы недостойно грандиозной проблемы... Просто необходимо изо всех сил напрячься и догадаться! Как только откроется тайна формы, кончится время бесконечных загадок. Ведь у каждого есть своя граница, не похожая на остальные. Чтобы нельзя было никого ни с кем перепутать и в нужный момент... Мм-да... Все это, конечно, было бы неплохо, если бы не одно «но» и это «но» – близнецы! Кажется, они только для того и созданы, чтобы он, то есть я, сломал себе голову! Хотя, пожалуй, все же есть одна небольшая уловка! Присвоить каждому из них имя... Причем, ха-ха, одно и то же!

Я ровным счетом ничего не умею. Гвозди валяются из рук, молоток бьет по пальцам. Ложка с супом качается, как какой-нибудь морской фрегат в штормовом море, и обливает мою новую рубашку. А она, как это ни странно, стоит денег!.. Как только я прикасаюсь к вещам, они оживают и стремятся обрести свободу. Строптивые, непокорные упрямы! У других они ведут себя вполне прилично, эти проклятые деревяшки и железки. Уступают силе с хитренькой усмешкой... Но что я люблю – это плести узоры. Причудливо пересекаются линии, сплетаются в объятиях, порой невыносимо тесных, образуя знаки. Цветы в букетах прыгают, выбирая место получше в старинной японской вазе у меня на столе. Кстати, ей больше трехсот лет. А ковровые узоры?! В них каждый раз находишь что-то новое. Это, доложу я вам, поинтереснее телевизора! Сочетания цветowych пятен будоражат меня. Обыкновенные детские кубики я складываю в пирамидки, башенки, домики, дворцы, полные чарующих звуков, и пытаюсь, пытаюсь понять... И не могу. Это все равно, что пытаться распутать многослойную паутину из ниток с хитроумными узлами. Запасы клейкого вещества, из которых плетется паутина, неиссякаемы! Но если все же мне удастся сбросить эту тесную одежду, я стану совершенно свободным, но и безумным одновременно. Но я готов, готов на этот шаг. Плата умеренна. Я все обдумал. Это недорого, как сейчас говорят, нормально. Творения мои тогда станут гениальными, они заполонят музеи и библиотеки, театры и концертные залы. Гуго Великолепный! Безумный Гуго! Так назовут меня потомки...

Гуго пьет

Рука неторопливо кралась вдоль тела. «Фу! Брысь! Назад!» – приказал он. Рука на мгновение замерла, потом нагло залезла в карман, вытащила последнюю сотню, скомкала ее и небрежно бросила на прилавок. «Паскуда...» – вяло обозвал он руку.

На прилавке появилась рюмка. Из горлышка бутылки забулькала жидкость. «Недолила!» – отметил он, и недобрая улыбка застыла на его лице. Посмотрел в упор на бабенку за стойкой.

– Ты, Светка! – сказал он, пригвоздив ее к позорному столбу. Он не унижался, не выпрашивал и потому был нагл.

– Ну? – помедлив, откликнулась она.

«Ну, ну! Разнукалась! Не запрягала!» – мысленно зло ответил он, потому что Светка могла психануть, а переходить грань было ни к чему.

Он не притрагивался к рюмке и по-прежнему смотрел в упор на Светку. Кроме него в рюмочной никого больше не было.

– На! Ужришь! – дрогнула Светка и долила до краев.

«Грамм двадцать перелила!» – заключил он довольно, облизнул губы и сглотнул слюну. Стараясь унять дрожь, аккуратно взял рюмку, оттопырив мизинец, выпрямил спину, сильно выдохнул и проглотил содержимое. Мир замер, покачался и... улыбнулся.

– Я – Гуго! – произнес он победно, с силой втянув носом воздух. – Гуго по прозвищу Великолепный! – уточнил он. – На, смотри! – милостиво разрешил и повернулся к ней в профиль. – На нос смотри! – хотел добавить: «Дура!», но снова удержался. Гусей дразнить все же не стоило.

Светка, прищурившись, тщательно и напряженно стала изучать его нос.

– Не русский? – наконец с сомнением произнесла она.

– Ты что? Ничего не понимаешь? Я же тебе сказал – Гуго Великолепный! – со снисходительным презрением снова объяснил он. Ему нужна была публика. Любая! Он готов был кривляться хоть перед дебилами!

– Ну, я и говорю, не русский! – окончательно подтвердила она диагноз.

– Тогда репете!

– Чего? Ты мне смотри! – угрожающе проговорила Светка.

– Сие обидное слово по-французски означает повторить и ничего более, – успокоил ее он.

Вторая остановилась где-то на полпути, но потом благополучно дошла до пункта назначения.

«Все ж таки, что ни говори, а Светка – баба неплохая, – уже совершенно нетрезво подумал Гуго, внимательно оглядывая собеседницу. – Даже очень неплохая! Все, можно сказать, при ней! Ну, буквально все! И ее не мешало бы... трахнуть!.. Чтоб не забивала себе голову... Русский не русский, – попытался оправдать он возникшее желание. Неожиданно вспомнилось, как молодой водитель в квартире бывшей жены застал мужчину. Посидели, выпили, после чего водитель отлупил беднягу, а напоследок еще и утопил его в ванной... Ничего себе конец! Брр! Ну и что?! Мало ли, с кем, что может приключиться... Что же теперь из дома не выходи? Или вот это... Сожитель хозяйки, опять-таки после пьянки, утюгом проломил голову своему приятелю... Нет, эти варианты нас не устраивают категорически! И если уж придется, не дай бог, выбирать, то, пожалуй, все-таки первое! А вообще меньше надо смотреть телевизор... С другой стороны, информирован – значит, вооружен!» – после недолгих колебаний решил Гуго.

– Слушай, а твой бывший, случайно, не баранку крутит? – уточнил он на всякий случай.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно осведомилась Светка.

– Я, милая моя, все знаю! – наслаждаясь произведенным эффектом, Гуго умилился своей поразительной пронизательности. Чересчур. И даже прослезился. «До чего же я становлюсь сентиментальным, а все годы виноваты...» – отметил он самокритично.

– Ты чего? – теряя привычные ориентиры, испуганно поитересовалась собеседница. – Ты чего? А?

– Ты давай не акай, а закрывай лавку и айда! – почувствовав власть, приказал он.

Светка, по-бабьи подперев голову рукой, крепко задумалась.

– Ладно! – наконец, решила она. Закрывает дверь и повесила табличку «Заперто».

Сразу же в дверь стал ломиться расхристанный мужик завидного телосложения, требуя к себе внимания, будто только его и ждали.

– Открывайтесь, суки! Я – соль земли! Мне надо!

– Заткнись, остолоп! – чувствуя себя в безопасности за закрытыми дверями, попросил его Гуго. – Раньше не мог прийти? И учти, соль земли – это не ты! А я! – Он повернулся к мужику в профиль и снова дотронулся до толстого кончика своего носа. – Ну? Дошло?

– Не раздражай его, – посоветовала тихо Светка. – А то он дверь разнесет! – и неожиданно, напугав Гуго, заорала во всю мочь: – Ты что, ослеп?! Идиот! Не видишь?! Меня мужчина ожидает!

– Пусть только посмеет! – неуверенно запаздало пригрозил Гуго.

– А ну его! – Она махнула рукой в сторону мужика. – Привык людям настроение портить! – Демонстративно повернулась к двери спиной, взяла Гуго под руку, и они чинно направились к служебному выходу.

Дома Света старательно пыхтела и отчаянно стонала, демонстрируя удивительную страстность. Гуго даже засомневался, уж не симулирует ли она фантастический темперамент? Но прийти к однозначному ответу так и не смог. «Пусть это останется на ее совести!» – принял он соломоново решение.

– Я в тебе не ошиблась. Просто высший шинмонтаж, как говаривал мой бывший! – произнесла она довольно. – А вначале ты мне очень не понравился, очень! Ну, думаю, настоящий алкаш! Даже хотела тебя по башке двинуть, когда долив вымогал!

– А ты вообще, нет слов! Как говаривала моя бывшая.

– А кем она была?

– Показывала стриптиз.

– А, стриптиз, – понимающе протянула Светка.

– Это не то, что ты думаешь! Она показывала стриптиз Навуходоносору¹. Я на него тогда работал, по контракту.

– Это еще что за агрегат такой?

– В каком смысле?

– Ну, этот, Худоносер? Ну, там, депутат или олигарх какой?

– Шишка из единокороссов², переправлял гашиш из Персии в Междуречье, – решил он закончить этот непродуктивный диалог.

В дверь неожиданно позвонили, а потом кто-то по-хозяйски стал колотить по ней ногой.

– Водила? – поинтересовался Гуго.

Светка безразлично пожала плечами.

– А может, сожитель хозяйки? – стал он проигрывать старые варианты.

– Какой хозяйки? – не поняла Светка.

– Довольно тупая! – констатировал тихо он.

– Кто? – снова уточнила она.

¹ Царь Вавилонии.

² Единая Россия – правящая российская политическая партия в начале XXI века.

– Хозяйка, – пояснил Гуго. – Ну да ничего, поколотит в дверь, поколотит и уйдет себе восвояси, – решил он. – А нет, я ему, голубочку, мозги вышибу!

– Вряд ли, – оценивающе оглядывая партнера по сексу, засомневалась Светка. – Ты его не знаешь! Хотя, что я такое говорю! Ты ж его видел!

– Когда?

– Здрасьте-пожалуйста! Уже забыл? Когда ты меня клеил! Это же он в бистро ломился!

– Могла бы предупредить! – укорил ее Гуго. – Я бы его тогда не стал дразнить! – прислушался к глухим ударам. – Какой упорный однако! Ну, уж дверь-то ему не выломать! – попытался он себя успокоить.

– Кто ж его знает, – равнодушно ответила Светланка. – Когда на него найдет, тут уж напополам. А тем более сейчас, ишь как взревновал! Так тебе и надо, кобелине проклятому! Отольются тебе мои слезки! Как же я убивалась, бедная, когда первый раз его застучала!

– А потом?

– А что потом? – задумалась она. – Потом уже не очень. Видимо, перестало задевать.

– Давай-ка на всякий случай шкаф придвинем к двери! – предложил он ласково.

– Не могу, что-то разомлела, – отказалась Светка. – А ты двигай, если хочешь!

– Еще бы! Конечно, хочу! – Гуго с огромным трудом выдвинул в прихожую шкаф. Опасность придала ему силы. – Все! Со случайными связями – все! – шумно отдуваясь, постановил он. – И на хрен мне это все надо?! Я, прямо, настоящий идиот, чтобы так рисковать! – И для верности подтащил к шкафу вешалку. Огляделся, больше ничего подходящего в комнате не было. Если только телевизор? Но это могло не понравиться хозяйке. И он не стал даже и предлагать.

– Это тебе сейчас кажется, что все! Больше ни-ни! А пройдет стресс, позабудешь неприятности и снова – ура! В атаку! – чуть улыбнувшись, тонко заметила Светка. – И потом, какая я тебе случайная?! Я тебе, можно сказать, родная! А ты – случайная связь! Стыдно от вас такое слышать, товарищ!

– В бабах удивительно сочетаются фантастическая глупость и поразительный ум! – столь же тонко заметил Гуго.

– А то! – довольно засмеялась она. – Я, кстати сказать, очень даже неплохие стихи сочиняла раньше, ну, в молодые годы! И на пианино барабанила, дай бог! – поставила на место своего новоиспеченного дружка Светка.

Частота и сила ударов в дверь стали нарастать. Неожиданно послышался грохот падающего тела. И наступила тишина.

– Достиг оргазма и спекся! – с сожалением констатировала она. – Раньше-то покрепче был! Ну да мне-то что?! Ложись, чего стоишь? В ногах правды нет! – пригласила она Гуго. – Он больше не станет! Я его знаю!

– Что ж, вздремнуть малость не помешает, – согласился он. – А то что-то переволновался из-за этого кабана... В снах, доложу я вам, нет ни прошлого, ни будущего. Только одно настоящее и к тому же потустороннее... – заметил глубокомысленно.

– Пожалуй, что так... – печально вздохнула Светлана. – Хотя я тут как-то у одного знакомого просматривала книжечку весьма известного французского философа с очень смешной фамилией...

Окончание фразы Гуго не разобрал, погружившись, в глубокий сон.

– Пора Желудина идти дразнить! – проснувшись, произнес Гуго.

– Куда торопиться-то? Охота еще побаловаться! – предложила Светка, ласково и уважительно трогая предмет гордости новоиспеченного любовника.

– Это не уйдет! А Желудин может смыться! – объяснил он.

– Ну, тогда вперед! – решительно проговорила она. – Давай моего бывшего прихватим? Он может, если что!

– Да я видел, что может! Парнишка заводной! Это бесспорно. Не исключено, что в следующий раз пригласим поучаствовать. А сейчас, пожалуй, не будем его беспокоить.

Они осторожно перешагнули через спящего у дверей «бывшего». Тот безмятежно мощно со свистом храпел.

– Да и какой от него сейчас толк? – не без сожаления заметил Гуго. И сам себе же ответил: – Да, никакого!

Душка Желудин

Желудин проснулся из-за того, что на него пристально и весьма требовательно смотрел одним глазом Пукс. Плохо! Боже мой, как все скверно! Желудин с трудом поднялся с постели, сбросив при этом кота на пол. Желудина сильно качнуло, и он чуть снова не упал обратно в постель. А это еще что за чудо природы?! С тупым удивлением он уставился на безмятежно спавшую в его постели женщину. Ее длинные каштановые волосы живописно разметались по подушке. Что же это за баба такая? Головная боль чуть отпустила, и он с трудом стал вспоминать вчерашний сабантуйчик. Дали аванс за сборник, и они пошли отметить это событие в кабак. Все было, как обычно. Подходили знакомые и незнакомые. Потом каким-то незаметным образом закрутилась настоящая карусель, и он в итоге ушел в отрыв. Желудина слегка передернуло... Как бы ее поинтеллигентнее выставить? Задумался. А если просто взять голубушку за ноги, да и вытащить в коридор, мелькнула здравая мысль. Ладно, бог с ней, что мы – звери какие?! Пусть набирается сил. Она не виновата, виновата система! Хмыкнул довольный. Вали все на систему, не ошибешься! Приблизился к зеркалу, взглянул на себя. Нет, не на себя, на него! Отвратительная рожа с красными глазами и растрепанной бородой нагло смотрела ему в глаза. Хоть бриться не надо! Во всем, если задуматься, есть своя польза... Заметил глубокомысленно, почесал лохматую голову и пошел в ванную комнату. Кот крутился под ногами и мешал идти. По дороге Желудина снова качнуло, и он сильно ударился плечом о дверной косяк. Отматерил его, а заодно и Пукса, – из-за тебя же, подлец! – и, поморщившись, стал тереть плечо. Было больно... и, главное, некому пожалеть. Открыл холодную воду и залпом выпил два стакана. Малость полегчало.

– Мяу! – сказал Пукс.

– Хенде хох! – ответил ему Желудин. Достал из холодильника пакетик «Вискаса» и выдал ему содержимое в кормушку. – Ладно, негодяй! Ком хир³! Наглая собачонка! На, ужрись! Негодяй!

Приглашение было лишним. Пукс, урча, уткнул морду в кормушку. Ему было семнадцать лет. И он был значительно старше хозяина в пересчете на человеческие годы. Характер у него был прескверный. От рождения. А с возрастом коты, как и люди, лучше не становятся. Иногда Желудин общался с котом по-немецки, особенно, когда был нетрезв. Ему казалось, что до Пукса лучше доходят отрывистые немецкие команды. Пару лет назад у Пукса заболел глаз. Желудин возил его по ветеринарным лечебницам. Но ничего не помогало. И вскоре глаз покрылся белой пленкой. Поэтому Желудин иногда звал кота Нельсоном. Пукс-Нельсон не был кастрирован. «Это была стратегическая ошибка», – часто говаривал Желудин, так как кот исправно метил углы квартиры. Но в этом, правда, были и некоторые преимущества. Из-за устойчивого едкого запаха кошачьей мочи к Желудину редко заваливались нежданные гости. У Пукса-Нельсона была длинная белая свалывшаяся шерсть и серый хвост. Вид у него всегда был хмурый и недовольный.

От корма исходил крайне неприятный запах, и Желудина замутило. Чего они такого гадкого туда подмешивают? Задумался он. Хорошо бы, конечно, пивка, но... нельзя. Будет разить. Хотя и так, и так будет разить. Желудин почистил зубы, умылся и немножко прибодрился. Сколько же, интересно, сейчас времени? А ведь непременно надо сегодня в «Пристанище». А может, ну его на хер! Скажу, заболел! Или... соседи затопили!.. Нет, нельзя... Получится, третий раз подряд... «И сколько же этой мурры приходится читать! – подумал недобро про обилие рукописей. – А мне ведь завтра пятьдесят! И все читаю, читаю... А завтра пятьдесят!.. – Желудину было сорок семь, но он любил так думать, особенно с похмелья. – Может, я все-таки

³ Иди сюда! (нем.).

идиот?» – стал подозревать он. А главное, что ничегошеньки не сделано. Ну просто ни-че-го! Что ни говори, а приятное это дело, все же послоняться... приятное. Усмехнулся. Одна надежда – на завтра. Это вечное чеховское завтра. Эх, воля вольная, подневольная! Прошел на кухню. При мыслях о завтраке ему сделалось нехорошо. Выпил крепкого горячего чаю. Был уже час дня.

Желудин был человеком пьющим. Но с резбы соскакивал редко. С этой своей привычкой он не боролся, считая водку наряду с дурными дорогами понятиями сакрального свойства. Дороги отражали необъятные родные просторы, а водка помогала коротать время в пути. Писать Желудин начал еще учась в Энергетическом. Тогда же и опубликовал свои первые юмористические рассказы в институтской многотиражке.

На улице светило солнце, он улыбнулся и стал важно махать рукой. Подрулил левак, и он поехал в редакцию. Его почему-то не хотела пускать тетка-вахтерша, и он молча тарасился на нее, наслаждаясь тем, что он все-таки такого хорошего роста и сложения. Пока гардеробщица не крикнула:

– Зин! Ты что?! Це ж свой! Желудина не признала?! – и, как бы извиняясь за свою товарку, пояснила: – Она у нас всего неделю! Новенькая... – и уже тише добавила, обращаясь вахтерше: – Он такой душка! Ты не представляешь!

– А-а, – отозвался Желудин, проходя мимо. – Это хорошо, что новенькая.

Получился какой-то пошловатый намек. Он прошел по длинному коридору к двери с тремя табличка: «Бабасов. Желудин. Попсун». А чуть ниже: «Прием авторов по понедельникам. 13.00 – 17.00». Поздоровался. Уселся за свой стол. Разве можно работать в такой тесноте? Прямо издевательство какое-то! Вдобавок еще Бабасов дышит прямо в лицо! Опять небось ел на завтрак овсянку. Англоман хренов! Хочет сто лет прожить, не меньше!

– В чайнике вода. Холодная, – произнес Бабасов, не отрываясь от бумаг.

«Проницательный чуткий Бабасов...» – Желудин достал стопку рукописей с семинара молодых и стал читать. В том, что молодежь заставляли приносить свои шедевры, как теперь принято говорить, на бумажных носителях, был свой резон. Во-первых, это дисциплинировало. Каждый сверчок, как ни крути, должен знать свой шесток. А во-вторых, избавляло от чтения с монитора, что было весьма утомительно... Все, все хотят печататься. А зачем? Одни амбиции и больше ничего!

– Что нас ждет? – прервав чтение, мрачно спросил он. Коллеги подняли головы. Выдержав паузу, Желудин продолжил: – Старость, одиночество, болезни и смерть!

– Запугивает, не иначе, – засмеялся в ответ Бабасов.

– Ну, начал каркать! – отозвался Попсун и пропел: – Черный ворон, я не твой! Посмотри, какие женщины вокруг! Погода – чудо! А ты?!

– Хорошо! С критикой согласен! – отреагировал Желудин. – Красивые женщины, чудесная погода, потом старость, одиночество, болезни и смерть!

– Что остается простым людям? – спросил у товарищей Бабасов и после небольшой паузы добавил: – Уколоться и забыться!

В дверях появилась фигура, вокруг шеи многократно намотанный красный шелковый шарф, темные длинные волосы. Мягко приблизилась к столу Желудина:

– Вы Желудин Вадим Георгиевич?

Тот, не глядя, кивнул головой.

– Вот, знаете ли, принес пару инсталляций. Не могли бы взглянуть?

– Инсталляций? – с трудом сдерживая раздражение, переспросил Желудин. – Сейчас? – «Ну почему, спрашивается, так охота пачкать бумагу? Прямо настоящее всенародное бедствие... Какая-то неотвратимость. Как... муссон... или пассат». Оба слова были хороши. – Ладно, оставляйте, – разрешил милостиво.

– А вы не могли бы прямо сейчас? Если, конечно, располагаете временем. И вас не затруднит? То очень бы обязали. Очень! Да тут, господа, всего ничего. Так пара, тройка страничек. Это много времени не займет, – притворяясь ягненком, залепетал Гуго.

– Давайте, – вяло махнул рукой, сдаваясь Желудин. «И чего это он юлит? Прямо, противно...»

Желудин прочел имя автора на первой странице и чуть не поперхнулся.

– Интересный псевдоним... – протянул он. – Гуго В.

– Да нет! Это не псевдоним. Гуго – имя, а В. – это Великолепный, прозвище! – снисходительно объяснил автор. – Помните, Лоренцо Медичи⁴, внук Козимо, по прозвищу Великолепный? Или Сулейман⁵? Тоже ведь получил прозвище Великолепный!

– Прозвище? Сулейман? – переспросил Желудин и, прищурившись, внимательно оглядел посетителя, пытаясь понять, шутит он или же не в себе. – Впрочем, неважно! – решил Желудин закрыть эту тему. От парня зверски разило. И Желудина затошнило. – Минуточку подождите! Я сейчас! – сказал он, отложил листочки и решил, уже было, поспешать в туалет, но также неожиданно отлегло, и он остался на месте.

В дверь заглянула женщина. Лицо ее показалась Желудину знакомым.

– Вы ко мне? – ласково поинтересовался он.

– Нет, это со мной! – нетерпеливо произнес Гуго.

Первый опус назывался «Торт». Прочтя название, Желудин поморщился от отвращения: «Час от часу не легче!» Но пересилил себя и стал быстро листать странички.

«Даже не читает, змей! Хоть бы вид сделал, сукин кот!» – усмехнулся Гуго и вслух произнес:

– Надо определиться, все же змей или сукин кот?

– Что? – Желудин поднял голову и вопросительно взглянул на автора.

– Это я так, мысли вслух. Не могу сделать выбор. Извините, что отвлек!

– Про еду, к сожалению, сейчас ничего не берем! Нельзя раздражать народ, – пояснил Желудин. – И потом, как прикажете понимать – «Он плюнул на рельсы, по которым через минуту должен был пройти поезд». Аллегория?

– Просто плюнул. Железнодорожник. Любит плевать на рельсы. Дурная привычка. Какое у него воспитание? Отца не помнит. Тот сразу смотался, еще до рождения. А может, мамаша и сама толком не знала, от кого, так сказать, понесла. Ведь дело-то было по пьяной лавочке. Короче говоря, винить некого. В школе учился с трудом, еле-еле до девятого класса дотянули. Потом ПТУ. Тоже с трудом. Может быть, и аллегория. А возможно, что плюнул от досады, что так непутево все складывается.

– Слово непутево придется пропустить!

– Почему?

– Подумайте.

– Ладно. Понятно. Да его и в тексте-то нет.

– На будущее.

– Так вот, о птичках. Народ боится с ним связываться. Человек при исполнении как никак!

– Вот вы сейчас объяснили, а так непонятно было! – укорил автора Желудин. – И вообще вам не повезло. Я сейчас читаю одного замечательного парня. С семинара молодых писателей. После него все как-то не то! А этот ваш рассказик простоват, так, забавная ситуация. Второй – описание смешных мест. И все! Получше, чем первый, но не по нашей тематике. Ничего, к сожалению, оставить не могу!

⁴ Глава Флорентийской республики в эпоху Возрождения, покровитель наук и искусств, поэт.

⁵ Султан Османской империи, правивший в XVI веке.

– А что вас в принципе интересует?

– Что-нибудь социальное, но с эротическим уклоном, – туманно закончил разговор Желудин. – Но только в следующий понедельник!

Гуго церемонно откланился. Забрал свои листочки и, чуть запрокинув назад голову, с достоинством удалился.

– Фиксировать свои мысли, фантазии, ощущения... Абсурд! То, что не поддается замедлению, полному покою! А текст – это неподвижность. Он неизменен! Это мы, мы меняемся, пытаюсь вложить себя в неподвижность! – раздраженно проговорил Желудин.

– Это все очень непросто и одновременно очень верно! – отозвался Попсун. – Ко мне опять приехали родственники отца. Из деревни... Как же они мне все надоели! Эти милые родные добрые люди! Мои родственнички! – ожесточился он. – Спасибо матери! У той только племянник где-то в Харькове. Никогда его, слава богу, не видел!

– Как тебе эта парочка?! – обратился Желудин к Бабасову. – А? Нахальства и самоуверенности не занимать! Сегодня что-нибудь напишет, что в голову взбредет, завтра нарисует! Еще и бабу с собой притащил, нахал эдакий! А знаешь, как он подписывается?!

– Я знаю такие языковые тонкости, какие вам, сударь, и не снились! Потому что я его изучал! А русские думают, что они знают свой язык, потому что они русские! – засмеялся в ответ Бабасов.

– Да ладно тебе! Я не про это! – досадливо поморщился Желудин и вдруг вспомнил, что женщина эта была у него дома, и утром он оставил ее у себя в постели. Он схватил трубку телефона, чтобы проверить это свое довольно фантастическое предположение. Но понял, что она или уже ушла, или может не снять трубку. Тем более, если это была она! С этим... Гуго! Он бросился к окну. Всю жизнь он подчинялся этим проклятым внутренним импульсам, от которых и страдал постоянно. Парочка как раз выходила из подъезда. Желудин открыл окно, сильно высунулся наружу и крикнул:

– Эй, вы! – Ответа не последовало. Понимая, насколько нелепо все это выглядит со стороны, он снова крикнул: – Гуго! – Опять ноль внимания. – Гуго Великолепный! – наконец заорал он, что есть сил.

Тот обернулся.

– Как зовут вашу... – Желудин замялся. – Ну, вашу даму?

– Светка! – моментально откликнулась дама. – Забыл уже, кавалер называется! По прозвищу Светка! – захохотала она довольно.

Гуго чуть заметно улыбнулся. Слегка кивнул на прощание, и парочка, неожиданно дружно присев на корточки, переваливаясь, пошла гусиным шагом по двору.

– Я – болван! – вслух констатировал Желудин. – Натуральный болван! Так дешево проколотся!

– Мне привезли два ящика парного мяса. Забили кабанчика. И куда, спрашивается, его девать? – отозвался Попсун.

Женщина в желудинской квартире проснулась в неплохом настроении. Она вчера крепко перебрала и ничего не помнит. Она знает за собой. Нельзя даже чуть-чуть. И каждый раз одно и то же, одно и то же! Поэтому в сумочке имеется зубная щетка. Она достает ее и бредет в ванную комнату. Ну и запахок! Прямо валит с ног. Настоящий бомжатник! Плитка кое-где отвалилась. Раковина в желтых подтеках. «Как же все запущено!» – думает она и чистит зубы. Умывается. Смотрит на себя в зеркало: «А что? Я еще ничего!» Приосанивается. Поднимает руками волосы. При этом слегка поднимается большая грудь с розовыми сосками. Женщина прищуривает лукаво один глаз и томно произносит: «Вы ошибаетесь! Мы с вами не знакомы!» Все, как говорится, на месте. Кровь с молоком! И это после такой пьянки! И как же, спрашивается, я сюда попала?! Ничегошеньки не помню. Даже немного стыдно. А если бы не загул, то

вообще была бы топ-топ моделью! Наконец ей надоедает играть роль подгулявшей накануне легкомысленной бабенки. Тем более, что легенда эта уже никому не нужна.

Опасение у Екатерины Григорьевны вызывает только кот. Он что-то задумал, это – несомненно.

– Ты мне смотри, говнюк! – строго предупреждает она кота. – Только посмей! Пожалейшь, гад!

В ответ говнюк злобно сверкает единственным глазом, и подчиняться, кажется, не собирается. «Главное, чтобы не подкрался сзади! Ведь не дает расслабиться, гаденыш! Надо бы запереть его на кухне», – размышляет Екатерина.

Пукс смотрит на нее в щель. Эта нахальная бабенка раздражает его неимоверно. И откуда притащил ее хозяин? Уму непостижимо! Всю ночь бродила по квартире. Пукс напряженно соображает, как бы незаметно к ней подобраться да и куснуть половчее за ногу, а потом быстро спрятаться под диван.

«Как ложиться под каких-то мерзких стариков, так Катенька, без тебя никак! Уже послали на тебя документы! Обязательно в этом году майора получишь! – одеваясь, передразнивает она своего шефа. – Поганный слоненок! А как какой-нибудь стоящий мужик, так эту секушку Стеську!» Екатерина присоединилась к теплой компании, когда все были уже очень хороши. И ей не составило труда бросить в рюмку Желудина микроскопический кристаллик. Служебная машина, косившая под такси, уже ждала у выхода. Дома клиент сразу вырубился. Екатерина, как на учебной тренировке, разбила квартиру на квадраты и тщательно ее обыскала. Но нужную вещь не нашла. Или ее там не было, или уж слишком хорошо была спрятана, что было маловероятно. Притомившись, она легла рядом с Желудиным, спальных мест больше не было. Такие мужики ей нравились. В кабаке он и его дружки непрерывно юморили. Приставали к бабам. Один раз чуть до драки не дошло. Денег не считали. В общем, гудели на всю катушку. Медведь, как окрестила Екатерина клиента, ночью возбудился. И она не смогла себе отказать. Секс получился на четверочку, потому что медведь был в полном отрубе. Но это ее почему-то даже заводило. Вот и пришлось послать весь этот инструктаж на три буквы. О чем она ничуть не пожалела. Под утро она крепко заснула, поэтому все вышло довольно натурально. Хотя лучше было бы уйти сразу после осмотра квартиры. Но как вышло, так вышло. Заниматься самоедством было не в ее характере.

Вдоль стен коридора стоят стопки книг, до потолка. На самом верху одной из них толстый том Шопенгауэра⁶. «Увесистый... – думает Екатерина. – Как бы не упал и не стукнул бы по башке! А то припечатает, не дай бог, и останусь в сердцах товарищей по борьбе скромной жертвой науки... Пусть только попробует не дать майора! Сам будет тогда ходить на такие задания, – смеется она, представив, как Карл Иванович ложится в постель с каким-нибудь бородатым клиентом. А ведь я, кажется, могу родить... – неожиданно приходит ей на ум. – Какую-нибудь замечательную мысль!» – заканчивает она лукаво.

⁶ Артур Шопенгауэр (1788 – 1860) – немецкий философ.

Разговор Желудина с бывшей женой

Желудин решил позвонить своей бывшей жене, чьи советы по самым разным вопросам всегда отличались неординарностью и, несмотря на первоначальную нелепость, частенько оказывались весьма полезными. Он набрал номер телефона и стал терпеливо ждать. Нина никогда сразу не снимала трубку, даже если находилась рядом с телефоном. А предпочитала некоторое время выжидать, гадая, кто же это звонит и не принесет ли предстоящий разговор каких-нибудь неприятных известий. Наконец, трубку сняли и стали молчать.

– Пожалуйста, прекрати! Нина, это я, – не выдержал Желудин. – Мне некогда!

– Привет, – помедлив, ответила бывшая. Накануне ей приснился сон, связанный с воздержанием, как определила она его утром. Поэтому она сразу же перешла в атаку. – Ты что, совсем уже спятил?! Гоняешься в метро за малолетками! Хочешь, чтобы тебя посадили?!

– В каком смысле? – оторопело уточнил Желудин. – За какими малолетками?

– За такими! Мне приснился сон, что ты в метро пытался изнасиловать пэтэушниц!

– Ниночка, ну, что ты опять гонишь пургу! Это же было во сне! – вяло запротестовал он, забывая, что логика здравого смысла была ей принципиально чужда.

– Неважно! Ты по какому вопросу? Давай только по-быстрому, а то я уже должна выходить.

– К костоправу или косметологу? – зачем-то поинтересовался он.

– Не угадал. К духовнику!

– К духовнику? – не смог скрыть изумления Желудин. – Что-то я раньше не замечал за тобой повышенной религиозности.

– То было раньше, и вообще ты много чего не замечал, – слегка надтреснутым голосом парировала Нина. Она всегда начинала день с сигареты и чашки крепчайшего кофе, что со временем не могло не сказаться на тембре голоса.

Желудин всегда, когда с ней разговаривал, не мог отделаться от ощущения, что весь предстоящий диалог как будто уже был записан заранее, причем каким-то допотопным способом. С шипением, потрескиванием и прочими атрибутами несовершенной грамзаписи.

– Я тебя не задержу. Нужен твой совет. Ко мне пришел один автор, привел с собой тетку. А я уверен, что это она была у меня накануне. Что это, совпадение или случайность?

– Где ты ее подобрал? На вокзале?

– Не все ли равно? – стараясь не поддаваться на провокации, ответил он, подумав: «Боже, как же она меня все же раздражает!»

– Тогда до свидания!

– Хорошо! Если для тебя это так важно, познакомились на одной вечеринке.

– Вечеринка... Как романтично! Ты ее трахал?

– Какое это имеет значение?!

– Не хочешь, не говори. Мне все равно. Но тогда я не смогу тебе помочь.

– Мне не нужна твоя помощь! А только твое мнение.

– Это уже помощь.

– Ладно, помощь! Хорошо, я не помню.

– Как это не помнишь? Ты был пьян?

– Это неважно.

– Тогда до свидания. Мне уже пора выходить.

– Возможно.

– Как его звали?

– Кого?

– Ну, который к тебе приходил.

– В том-то и дело, он назвал себя Гуго.
– Гуго Великолепный?
– А ты откуда знаешь? – искренне изумился Желудин.
– Я все знаю.
– Ты что, в весталки заделалась?
– Прекрати! Из-за тебя я не стала весталкой. Ты прекрасно знаешь, что они должны быть невинны!

– Ну, невинность ты потеряла задолго до меня. Кажется, ты как-то говорила, что в седьмом классе.

– С тобой окончательно! Ты растлил мою душу. А это похуже! Надеюсь, у тебя хватило ума не злить его? Или все же по своей дурацкой привычке ты ему нагрубил?

– А что?

– Учти, он очень опасен, его нельзя было дразнить! И главное, ты не должен был смотреть в глаза черной демонице! – Фантазия Нины разыгралась, и ей захотелось, как следует напугать Вадима.

– В каком смысле? – не понял Желудин.

– В прямом! Черная демоница по преданию является сестрой дракона, правда, сводной. По матери. Отцы разные. Ты что не знал?

– Да, все хотел тебя спросить, почему на линии все время какие-то помехи? Купи себе современный телефон.

– Не в этом дело. Линия прослушивается.

– Кем? Кому ты нужна?

– Не будь дураком!

– Ладно, тебе пора идти. Я и так тебя задержал.

– Я сама знаю, когда мне надо уходить и куда! Кажется, это не я тебе позвонила и не просила мне помочь!

– Извини! Ты не так меня поняла.

– Еще раз повторяю, тебе ни в коем случае нельзя было смотреть ей в глаза, а ты еще и трахал ее сводную сестру! А это все равно, что ее саму! Ты хоть понимаешь, что наделал!

– Не надо меня пугать.

– По-моему, ты сошел с ума! Не знаю, смогу ли я тебе помочь. Ты должен был сразу же, как только их увидел, спрятаться!

Желудин представил себе, как стал бы прятаться под стол при виде посетителей или попытаться выбежать из комнаты. И какое удовольствие доставил бы этим Попсуну и Бабасову.

– Вечером я буду гадать, раскину картишки, посмотрю, что еще можно для тебя сделать. Ну, все, пока! Ты и так меня задержал!

Раздались короткие гудки. «Когда бог хочет кого-то наказать, то он лишает его ума, – подумал Желудин. – Это относится к нам двоим...» Ему почему-то вспомнилось, что Нина прекрасно готовила куриные крылышки по какому-то своему особому рецепту, хотя во всем остальном хозяйкой была совершенно никудышной.

– Тебе надо отдохнуть. Поговори с шефом, – сочувственно произнес Бабасов. – У него сегодня хорошее настроение.

– Пожалуй, ты прав... А то могу сорваться...

– Да и над романом поработаешь.

– А я тебе пару килограммчиков мяса отстегну в качестве выходного пособия, – добавил Попсун.

Разговором с Вадимом Нина осталась довольна. Во-первых, прошлой ночью ей приснился очень интересный сон.

Пустынная станция метро. Вечер... Пожалуй, даже ночь. Вадим, растопырив руки, гоняется за стайкой молодых девиц. Те прячутся от него за колоннами.

– А он ничего! – смеется одна из девиц.

– Скажешь тоже! – отвечает рослая, слегка распаренная от бега подруга.

Появляется Вадим, и они снова убегают.

– По-моему, он с приветом! Гоняться за нами! Я тебе точно говорю, он не в себе!

– Выпил, вот и гоняется! – пытается объяснить ситуацию третья.

– А я тебе говорю, он ничего! – настаивает на своем первая. – Такой смешной!

Неожиданно из-за колонны выскакивает Желудин и ловит рослую девицу в свои объятия. Та не очень активно отбивается. Борьба заканчивается долгим жарким взаимным поцелуем.

Появляется дежурная по станции.

– Совсем очумели, распутники! Метро уже час как закрыто! Вот просидите здесь до утра, тогда узнаете! – ругает она озорников. – А вам-то как не стыдно! – добавляет, обращаясь к Желудину. – Взрослый мужчина, в годах, а туда же! У вас ум есть или нет?

«Кажется, Вадим совсем рехнулся...» – не без удовольствия констатировала Нина, анализируя сон.

А во-вторых, накануне, возвращаясь домой, она обнаружила на подоконнике, на лестничной площадке книжечку. Уже издали было видно, что она старинная. У Нины вспотели ладони, и в груди что-то екнуло. «Неужели опять какой-то охламон выбросил ценную вещь?!» – подумала она, подходя к находке. Но ее ждало разочарование. Это было ротапринтное издание, выполненное, конечно, очень даже неплохо. Пожелтевшая бумага, со вкусом подобранные иллюстрации, в основном, копии с каких-то старинных гравюр, изображающие битвы драконов с неведомыми фантастическими существами. В конце названия издательства «Гранат» была ручкой дописана буква «а», что в результате дало «Граната». Год выпуска стоял одна тысяча девятьсот шестой. Нина прекрасно знала, что до революции было издательство «А. и И. Гранат и К°». Здесь пахло явной мистификацией. Имя автора – Гуго Великолепный – ей тоже ничего не говорило. В книжке сначала описывались обстоятельства ограбления какого-то банка. Причем, подробно, по минутам, что напоминало пособие для начинающих заниматься этим непростым и опасным ремеслом. Нина терпеть не могла боевики и уже хотела выбросить книжку в помойное ведро. Но потом пошли какие-то нудные воспоминания, и она продолжила чтение, так, на всякий случай, и не зря. За ними последовали два очень смешных рассказа – «Торт» и «Случай на р. ж. д.». В стиле Вадима, определила она и долго от души смеялась. Но главное было впереди – инструкция-предупреждение, как вести себя при встрече с драконом. Вот это уже было очень интересно. Там было много полезной и нужной информации, и Нина кое-что себе даже выписала. К ее великому сожалению, остальная часть книги отсутствовала. Она была оторвана весьма варварским способом. Пересилив себя, Нина включила старый Елизаветин компьютер, который та все время грозила выбросить. С трудом вошла в Интернет. С техникой она всегда была на «вы». Но попытки найти какие-нибудь сведения об авторе результата не дали. Она нашла только исторические справки про нескольких королей по имени Гуго. Это было явное не то. «Тезки...» – с некоторым разочарованием пришла к выводу Нина. Было очевидно, что автор знал много больше, нежели сообщал в своем трактате. То, что она находилась в центре мироздания, и все остальное вращалось вокруг нее, было для Нины само собой разумеющимся. Появление книжки, безусловно, было каким-то знаком, смысл которого она не могла пока разгадать, и это ее слегка нервировало.

Поэтому Нину ничуть не удивил звонок Вадима, который не проявлялся уже около года. После разговора все встало на свои места, и она испытала значительное облегчение.

В революцию и обратно

У выхода из метро «Кузнецкий мост» в конце небольшого дворика внимание Гуго привлекли две девицы придурковатого вида. Под аркой в одном из киосков продавали билеты в цирк, и девицы были сильно озабочены, не хватало денег на билеты. Постарше, с белым мясистым лицом достала из кармана огромную монетницу и стала с шумом сбрасывать из нее мелочь в пригоршню второй. С напряженным видом, шевеля губами, они пересчитали деньги.

– Не, все равно не хватает! Даже на один самый дешевый не набирается! – со вздохом заметила старшая.

– Ну, а если попросить, Люб? Может, уступит? Сколько у тебя еще есть?

– Все! Ты же сама видела, Надь! Что, я тебя обманывать буду?

– Чего делать-то?

Они вплотную подошли к киоску и стали внимательно изучать прикрепленные к стеклу билеты.

– По-всякому не выходит, Люб!

– Дядь, купи билет! Очень надо! – обратилась Надька к подошедшему молодому бородачому парню. Тот смущенно закрутил головой.

– Ну, дядь! Купи билет! Чего тебе стоит! Ну, купи, очень тебя прошу! Купи! – стала настаивать она.

Бородач поспешно взял себе четыре билета и быстро ретировался.

– Ну, и жлоб! – с досадой заметила Любка. – Как же я таких ненавижу, Надь! Ты не представляешь! Ладно, не унижайся, Надь! Чего-нибудь придумаем!

«Какие удивительные все же попадают кадры! А одеты, как колоритно!» – восхищенно подумал Гуго, наблюдая за развитием сюжета.

Подошел, доброжелательно улыбаясь, участливо поинтересовался:

– Что, девчонки, на билеты не хватает?

Те настороженно стали его разглядывать, потом молча отошли в сторону и стали тихо переговариваться.

– Сам предложил, чего ты!

– В том-то и дело, что сам! Подозрительный какой-то! А вдруг маньяк, Люб?!

– А по мне, так ничего! Не хуже того, у которого просили!

– А если потребует чего?!

– Чего?

– Сама знаешь, чего!

– Убежим и все! Делов-то!

Осторожно приблизились.

– Вы так или потребуете чего? – прищурившись, спросила старшая Люба.

– По договоренности, – неопределенно ответил Гуго, наслаждаясь ситуацией.

– Это как? – уточнила Надька. – Вы уж извините, мы тупые, сразу не доходит. Нам надо все разжевать.

– Да это так! – Гуго купил три билета. – А что, самокритичные – это хорошо, – похвалил он и добавил, показывая на монетницу: – Разрешите поинтересоваться, откуда сей раритетик? Эксклюзив или как?

– Если честно, то... – Люба слегка замялась.

– Только честно! Давайте, сразу договоримся, друг другу не врать! – предложил Гуго.

– Ладно, хорошо! – согласилась со вздохом Надька. – Чего стыдиться-то, Люб! Ведь не украли же!

– Если честно, то нашли на помойке! Но вещь, я вам скажу, нужная! А то серебро можно ненароком растерять или стырит кто! – пояснила Люба.

– Полностью одобряю! Сам-то я больше по золоту и бриллиантам. Но тема затронута верная! Да и направление выбрано правильное! Ладно, девчонки, двинулись, чего стоять-то бестолку?

Они, не торопясь, пошли вниз по Кузнецкому мосту.

– Давайте-ка знакомиться! Все зовут меня Гуго Великолепный, – представился Гуго.

– Великолепный – это что, фамилия такая или прозвище? – не поняла Надька.

– Скорее, второе, – ответил он.

– Тогда вопросов нет. Я – Любовь, а она – Надежда, – указала Люба на подружку.

– Для близких и друзей я Шарманщик Гу, а так как мы с вами непременно подружимся, то так и зовите меня. Договорились?

– Нет вопросов! – ответили хором девчонки.

– Я вас, наверное, в революцию буду вовлекать!

– В сексуальную? – с подозрением уточнила Люба. – Тогда нам это не подходит!

– Да, тогда нам это не подходит! – поддержала подругу Надька. – Извините, что отняли у вас время! А билеты сможете сдать обратно. Обязаны принять.

– Да нет, в обыкновенную! – успокоил их Гуго. – В сексуальную и без вас охотников хватает.

– Чего, опять, что ли, намечается? – деловито поинтересовалась Надька.

– Сначала в ту, старую! Семнадцатого года! Поднаберетесь опыта. Лишние знания никогда не помешают.

– Это верно, – согласилась Люба. – Лишние знания не мешают.

Они свернули на Неглинную, и Гуго обратил внимание своих спутниц на здание Центрального банка.

– Видите, сколько хороших машин здесь стоит?

– Видим, – откликнулись подружки.

– О чем сие говорит?

– О чем?! О том, что люди умеют жить и получают при этом хорошие бабки! Вот, о чем! – ответила с чувством Надька.

– Правильно! Будете здесь работать, со временем! Обещаю!

– Хорошо бы, конечно! – вздохнула Надька.

– Если, конечно, станете хорошо учиться! А сначала поучаствуете в небольшом ограблении, так сказать, для практики. Да и монетница ваша будет очень кстати.

– Вон вы куда клоните! – понимающе протянула Люба. – Спасибо, конечно, за предложение. Но в ограблении мы не согласные! – Девчонки остановились. – Вы там шарманщик или еще кто! Но вам налево, нам направо. Мы вас не видели и ничего не слышали! И никому ничего не скажем! Можете не сомневаться! Мы молчать умеем.

– Только не надо бздеть, очень вас прошу! Просто очень! – грубовато произнес Гуго. – Там риска никакого! – стал их уговаривать. – Дело-то, когда было?! Никого из налетчиков не возьмут! Как говорится, известный исторический факт!

– А мы и не спорим! Не взяли, значит повезло! А в следующий раз не повезет и что? Небо в крупную клетку?! Спрашивается, зачем нам это все нужно? Можете нам сказать или нет? – стала тараторить Надька, заговаривая зубы и выбирая при этом пути отступления. И вдруг ойкнула: – Люб! Где мы?

Люба, чуть присев от изумления, ошарашено оглядывалась по сторонам.

– Должно быть дореволюционный Тифлис, – спокойно объяснил Гуго.

– Это что такое? Куда мы попали? – судорожно сглотнув, поинтересовалась Люба.

– Раньше так Тбилиси назывался. Посмотрите, какая красотища!

Они стояли на горе. Неподалеку возвышалась церковь Святого Давида. Внизу среди зелени живописно располагались городские кварталы.

– Сейчас спустимся вниз. И не надо паниковать. Проведаем товарищей по борьбе и обратно, делов-то!

Они, не торопясь, стали спускаться вниз.

– Воздух-то, какой! Теперь такого не найдешь! А деревья, небо?! Надо уметь наслаждаться природой! – продолжал восторгаться Гуго. – И ценить каждый миг быстротекущей жизни!

– Ну и влипли мы с тобой, Люб! – прошептала Надька. – Я же говорила тебе, маньяк! А ты, не хуже того! Что теперь делать-то будем?

– Выкрутимся, Надь! И не такое бывало! Хуже, чем в интернате не будет!

– Тоже верно! И он же сказал, проведаем этих, как его, товарищей и обратно! Ему тоже здесь задерживаться не резон! Правда, Люб?

– Не факт, Надь! Разве поймешь, что у психа на уме?!

– А ты думаешь, он псих?

– Не знаю, Надь. Чего-то у меня в голове все съехало куда-то!

– И у меня, Люб!

Они понемногу стали приходить в себя.

– Да, забыла тебе рассказать сон! – неожиданно оживилась Люба. – Такой сон, полный улет! Короче, мы с девчонками в метро, поздно уже. Кажется, и ты там была!

– Так была или нет? – обижено поинтересовалась Надька. – Все же таки я твоя лучшая подруга!

– Была, была, Надь! Ты слушай, что дальше было. Короче, бородатый мужик стал за нами гоняться! А мы от него бегать!

– И я бегала? – уточнила свою роль во сне Надька.

– И ты, Надь, тоже бегала. Точно тебе говорю. Короче, потом он меня поймал!

– И что, было что? – глаза Надьки загорелись любопытством.

– Дежурная помешала. Стала орать, как резаная, милицию вызову! И ругаться по-всякому. Ну, знаешь, как это бывает!

– Случаем, не гастарбайтер?

– Нет, что ты! Отличный мужик, только старый!

– А я тебе скажу, это хорошо, что старый, Люб! Если у вас с ним сложится, он потом помрет, и квартира твоя будет!

– Ты, Надь, не поняла! Это же сон был!

– Это неважно. Все равно, что квартиру тебе оставит – шанс есть! Главное, чтобы неженатый и детей поменьше!

– Ну, не знаю, Надь! Может, ты и права. Не знаю...

«Вот, что значит молодость! Как быстро адаптировались к новой обстановке...» – одобритительно подумал Гуго, прислушиваясь к разговору девчонок. И неожиданно для себя продекламировал с выражением:

– Гибнут стада, родня умирает, и смертен ты сам! Но знаю одно, что вечно бессмертно – умершего слава!

– Вы это чего? – с опаской поинтересовалась Люба.

– Героическая песня, – со вздохом пояснил он. – Видимо, обстановка так подействовала, сам не знаю. А вообще-то мне одна мысль в голову пришла. Вы эту песню выучите, и будете петь под шарманку, а то «Разлука, ты, разлука» уже всем порядочно надоела. Подавать, думаю, будут нормально. Ну, и шмоток каких-нибудь сможем себе здесь прикупить. А то вид-то наш не совсем соответствует. Вы как?

– Это можно, слова простые, доходчивые, да и народ у нас героическое любит, – рассудительно ответила Надька.

– Да, это нормально, – подтвердила Люба. – А подзаработать – это мы завсегда, если, конечно, не криминал.

– И на мотив хорошо ляжет, – стал развивать идею Гуго. – А то в кризис жалостливое плохо идет.

– Я что-то не поняла, мы где петь-то будем? Здесь или там? – уточнила Люба.

– И здесь, и там, – немного поразмыслив, ответил он. – Принципиальной разницы нет. Россия, как стояла на одном месте, так и стоит. Просто время обтекает ее со всех сторон. Такая уж у нее особенность. Так что без разницы! Я понятно выражаюсь?

– Не совсем, – честно призналась Люба.

– Я тоже не поняла, – подтвердила Надька.

– Неважно, потом поймете, а может, и нет. Короче говоря, любят у нас своих метелить, вот что! – туманно закончил Гуго.

– Это факт, – подтвердила Надька. – Могут запросто подойти и ни за что ни про что дать в ухо или в глаз! Поэтому мы с Любой всегда начеку! Посмотрите, какие менты рожи наели! Девочки, у вас документики имеются? – ласково произнесла она. – У, так бы и дала в рожу!

– Я тебя понимаю, Надь! Совсем, суки, совесть потеряли!

– А у них ее и не было никогда!

Народа на улицах было немного. Ремесленники спешили на работу. Водовоз вел под уздцы лошадь, груженную бурдюками с водой. Да еще в самом начале пути попался крестьянин, чинивший телегу посреди дороги. А два распряженных буйвола лежали рядом в пыли, меланхолично пожевывая пучки сена. Наконец, они вышли на оживленную улицу.

– Посмотри, Люб, как здесь народ прикольно одевается! Заправляют шаровары в носки! И картузики у всех клевые!

– Так, девочки, вы здесь в сторонке постоит и, главное, никуда не отходите! А то быть беде! – строго наказал Гуго. – А я быстро смотаюсь в «Тилипучури» и сразу назад.

– Это еще что за хреновина? – спросила Надька.

– Харчевня, вроде небольшого ресторанчика, – он показал рукой на другую сторону улицы. – Видите, рядом со старой семинарией? Надо уточнить, какие планы у начальства.

– Может, и мы с вами?

– Видите ли, в чем дело... Как бы вам подходчивее объяснить... Короче говоря, обмундирование у вас не совсем соответствует историческому моменту.

– Это как?

– Ну, одеваются люди здесь немного по-другому. Сами же видите!

– У нас прикид несмешной, – обиделась Люба. – Все, как у людей! Спасибо шефам. Не забывают сироток.

– Это понятно. Я ничего и не говорю. Но все же подождите здесь в тенечке и особенно не высовывайтесь!

Гуго быстро перебежал улицу и скрылся в ресторане. Но почти сразу же и вернулся.

– Странно, никого! А по идее должны были там обсуждать детали... Странно. Сегодня у нас какое число?

– Пятница, тринадцатое, – отозвалась Люба. – Май месяц.

– Тьфу, черт! Надо же, на день промахнулись! – чертыхнулся Гуго. – Ладно, не беда! Есть одно местечко. Вообще-то туда, конечно, нельзя. Конспиративная квартира. Но сегодня там вроде никого не должно быть, кроме хозяина.

– Вы точно в тюрьму сядете, потому как зарываетесь! – предупредила его Надька.

– Только, пожалуйста, не каркать! Очень прошу! Ну, все! Пошли!

– Не буду, извините!

Они свернули с Дворцовой. Дома постепенно становились все проще и проще.

– Да, еще вот какое дело! – замялась Люба. – Вы, конечно, скажете, что мы в конец обнаглели! Но нам очень нужна бутылка водки! Можно самой дешевой!

– Душа горит? – понимающе поинтересовался Гуго. – Рановато начинаете!

– Не, мы не для себя! Мы сами не квасим! Только по праздникам или там, в день рождения. И то по чуть-чуть.

– Не понял. Зачем же тогда?

Люба с Надькой переглянулись, немного отошли в сторону и зашептались:

– Не знаю, может, рассказать ему все, как есть?

– А чего тут такого! И расскажи!

Подожли к Гуго.

– Тут, в общем, такое дело! Нас на волю-то вообще не отпускают. Короче, если только всей толпой на экскурсию или типа того. Пришлось договариваться с Савоськой. Иначе не выйдем.

– Это кто такой? Надзиратель?

– Типа того, охранник. Вообще-то он крупный специалист по задержанию. Это он так объясняет. Его за что-то поперли. Может, не поделился с кем надо. Он жадюга, конечно, страшный!

– Ну и что?

– А вот что! Он и потребовал, сами знаете, что. А мне с ним неохота, он сильно противный, старый пердун! Договорились на бутылку, что принесем. Поэтому она нам нужна вот так, позарез!

– Даже больше, чем билеты! – добавила Надька.

– Ладно, куплю! Вопрос закрыт. А мне сможете дать, если попрошу.

– Ну, вы же сами сказали, что без этого. Или передумали?

– Да нет, это я так, прикалываюсь.

– А я уж решила, что в самом деле. Вы не думайте, мы не проститутки какие-нибудь там!

– Я и не думаю, – успокоил их Гуго. – Что я в людях не разбираюсь, что ли?!

– Так вы про бутылку-то не забудьте! – вставила Надька.

– Да мы здесь ее и купим! Хотя вино здесь покупать выгоднее. Но раз заказывали беленькую... Хотя вашему Савоське сойдет и красенькая! «Сороковочку» ему возьмем за двадцать копеек.

– За двадцать копеек? – изумилась Надька. – Так это выгодно, даже очень! Можно несколько взять, а у нас там толкнуть!

– Мысль, конечно, верная! Но есть одно «но»! Деньги здесь, к сожалению, другие. Так что, примерно, так на так и выйдет.

– А у вас здешние деньги-то имеются? – с недоверием осведомилась Люба.

– Не бойтесь, девчонки! Раздобудем! Для этого и идем туда. Как говорится, приятное с полезным!

Они подошли к невысокому одноэтажному домику.

– В подвале сапожная мастерская, – пояснил Гуго, указывая на болтающийся перед входом черный фанерный сапог.

Он открыл скрипучую дверь. И они вошли в прихожую. Из темноты сразу же выдвинулась мощная фигура, загородив проход. Мужик был в засаленном балахоне, поверх которого был повязан фартук. В руке он держал сапожный молоток.

– Вам кого? – спросил он недобро.

– Нам бы обувку надо девушкам справить, – ответил спокойно Гуго. – А то поизносились малость.

– А, Шарманщик, здравствуй, дружище! – расплывшись в улыбке, приветствовал его сапожник. – Думаю, кого в такую рань принесло?

– Привет, Сэм! А то я уж решил, что ты нас сейчас молотком огреешь... Знакомьтесь, девушки! Самуил! Рекомендую, замечательный сапожник!

– И не только! – засмеялся довольно в ответ Сэм.

– А это Любовь и Надежда, – представил Гуго спутниц. – Сочувствуют нашему делу.

– Гимназистки? – поинтересовался Сэм.

– Почти, – уклончиво ответил Гуго. – Послушницы в монастыре.

– Что-то непохожи. Ну да, мне все равно. Послушницы так послушницы. А я твою шарманку храню, как обещал, – отозвался сапожник. – Вон, под лестницей стоит.

– Спасибо, старина! Кто бы сомневался!

Девчонки отошли в сторону.

– Слушай, Надь! – зашептала Люба. – Он один в один, как тот, ну, который во сне приставал. Только покрасивше, и молодой! Представляешь?!

– А ты не путаешь чего, Люб? – засомневалась Надька.

– Точно тебе говорю, он!

– Шептунов на мороз! – весело произнес Гуго. – Верно, Сэм?

– Да, будет тебе! Пусть пошепчутся! У них свои, девичьи секреты!

– Там, кто есть? – спросил Гуго, указывая рукой на дверь, ведущую в жилое помещение. Сэм замялся.

– Даже не знаю... Впрочем, тебе, я думаю, можно. Проходите!

– У меня к тебе просьба, Сэм! Подбери что-нибудь для девушек. А то мы недавно из Америки, а там, видишь, какая мода!

– Да, чудная. Найдем что-нибудь, не беспокойся, – кивнул в ответ головой Сэм. – Ты скажи мне, как там в Америке? А то у меня дядя с семьей уже два года, как туда уехали. Пишут, зовут к себе. А я не знаю, товарищей вроде бросать не годится. С другой стороны, мир охота посмотреть.

– По-разному, Сэм, – уклончиво ответил Гуго. Хотелось сказать: «Вали немедленно! Тут вскоре такое будет!» Но вмешиваться в чужую судьбу эдаким образом было бы неэтично.

И он лишь толкнул дверь. Они зашли в большую комнату.

– Не смотрите им в глаза! – успел шепнуть Гуго девицам.

«... через Сололакскую улицу и Эриваньскую площадь», – услышал он окончание фразы. Там было четыре человека. Они сидели за столом, и пили чай. Трое дружно, как по команде, повернули головы и молча уставились на вошедших. Четвертый равнодушно скользнул по ним взглядом и отвернулся к окну.

– Это еще что за клоуны? – наконец поинтересовался молодой усатый мужик с рябым, заросшим двухнедельной щетиной, лицом. Он был в темном мятом костюме и такого же цвета рубашке-косоворотке.

– Все в порядке, Коба! Это Шарманщик, я тебе про него говорил, – успокоил его другой, тоже усатый с небольшой аккуратно подстриженной бородкой. Он был одет в светлый чесучовый костюм и выглядел весьма элегантно. Он встал из-за стола, подошел к Гуго и со словами: – Здравствуй, дорогой! – обнял его.

– Здравствуй, Камо! – откликнулся, улыбаясь, Гуго. – Шикарный костюм, тебя можно принять за какого-нибудь графа, не меньше.

– Вот тут ты промахнулся! Настоящий граф у нас вон, – кивнул Камо в сторону отвернувшегося. Графа Пальчикова всегда страшно раздражали подобные посиделки. Все обговорить можно было минут за десять. А такие обсуждения обычно затягивались на несколько часов. Но приходилось терпеть. – Отчаянный храбрец! Хотя и классово чужой. Ты где пропадал? Я тут рассказывал товарищам, как мы с тобой пятьдесят маузеров протащили через финскую

границу, а патроны запихнули в твою шарманку. Разлука, ты, разлука? Так, дорогой? – засмеялся он.

– Да нет, решил поменять репертуар. Потом послушаешь.

– Что у них за вид?! Они же всю охранку за собой приведут, если уже не привели! – неодобрительно покачал головой Коба. – Посмотри на них! Они же привлекут внимание! – он говорил с сильным грузинским акцентом.

– Не привлекут, а отвлекут внимание! – возразил Камо. – Появился у меня сейчас один план, сейчас расскажу.

– Почему давно не был? – обратился Коба к Гуго.

– Болел, – коротко ответил тот.

– Болел, – усмехнулся Коба. – Если бы я меру не знал, тоже бы болел! А кто деньги для партии добывать будет?

– Ладно, других учить будешь! – не выдержав, вспылил Гуго. – Пойдем, девчонки!

– Подожди! Надо же, какой обидчивый! Уже и слова не скажи! – неожиданно Коба улыбнулся и подмигнул девицам: – Давайте, барышни, к столу! Садитесь, пейте чай! Сухари, булочки! Не стесняйтесь!

– Да, мы уже перекусили, в интернате! – ответила Надька.

– Я вам не есть предлагаю, а чай пить!

– Премного благодарствуем, – неожиданно откликнулась Люба.

– Молодец! Вот это по-нашему! Берите стаканы, чай настоящий! Сам заваривал. Ну, что у тебя за план? – обратился он к Камо.

Тот, перейдя на грузинский, в двух словах обрисовал план действий. Деньги придут на Тифлисский центральный почтамт. Оттуда на двух извозчиках их повезут в Государственное казначейство. Три-пять караульных да казачий эскорт, человек пять-семь, не больше. Маршрут через Эриваньскую площадь, а там штаб Кавказского военного округа. Поэтому охрана будет минимальная. Ну, еще шпики подгонят трех-четырех, не больше. Мы с тобой бросаем бомбы. Забираем деньги. И уходим. Вторая группа раньше на час нападает на Земельный банк. Заберут, что там будет. Главное, отвлекут внимание.

– Согласен, – коротко бросил Коба.

Разъяснили план остальным.

Волчок притаился в соседней комнате. Хозяйева второй половины дома уехали в селение. Перегородка тонкая, все слышно наилучшим образом. В последнее время на юге участились провалы. В Харькове и Ростове сорвались два экса. Четыре явочных квартиры провалились! Вот он и был послан секретным отделом ЦК расследовать случившееся, и при обнаружении провокатора произвести ликвидацию. А тут еще неслыханное нарушение конспирации. Пришли какие-то неизвестные. И он аккуратно вынимает из доски сучок, прикидывает глазом к отверстию, чтобы рассмотреть вошедших, хотя риск, конечно, колоссальный, могут и заметить.

Экс

Гуго изучает окружающую обстановку. Народу мало. Редкие прохожие спешат по своим делам. Его взгляд задерживается на уличном торговце в глубоко надвинутой на глаза войлочной шляпе. Подозрительный тип. То же самое думает про Гуго и уличный торговец, в которого превратился Волчок.

– Хороший кучер – залог успеха! – смеется Пальчиков, глядя на Сэма, монументально возвышающегося на козлах пролетки. – Стоишь за углом и ждешь!

– Не забудь о барышнях! – напоминает Гуго. – Как только замолкнет шарманка, сразу подаешь к входу!

Сэм важно кивает головой и, слегка встряхивая поводьями, с достоинством произносит:

– Ну, милая, пошла, хорошая!

Лошадка нехотя стучит подковами по брусчатке, и пролетка сворачивает за угол.

Девчонки стоят слегка наискосок на другой стороне улицы.

– Люб! Я тебе точно говорю, в соседней комнате кто-то был! Ты вот не веришь, а я глаз видела в стене! – негромко говорит Надька.

– Тихо ты! Не наше это дело! Пусть сами разбираются!

– Что я тебе говорила! Ну и влипли мы с тобой, Люб, как последние дуры! Из-за каких-то дерьмовых билетов! Бежать надо, Люб!

– Да ничего ты не говорила! Нам все равно самим не выбраться! – тихо отвечает Люба. – Раз связались, теперь главное – не прозевать!

– Не прозеваем, Люб!

– Ладно, вперед!

Люба крутит ручку шарманки. Раздается жалостливый мотив. Они начинают петь:

– Гибнут стада, родня умирает...

– Подожди, Люб! Кажется, сначала все же родня умирает, а уже потом стада.

– Да, все правильно! Чего ты, ей богу! Только сбиваешь!

– Выходит, скотина важнее родственников?

– Может, и важнее! Мне лично все равно, с чего начинать. Хочешь с родни, давай с родни!

Снова звучит шарманка. Гуго и Пальчиков, не торопясь, подходят к банку. Пальчиков уверенно толкает входную дверь. Раздается гостеприимный звон колокольчика. Солнечный зайчик мечется зажатый в стеклах двери и на секунду врывается внутрь. Посетителей немного. Господин в светлом кепи у окошка разговаривает с клерком. Мадемуазель что-то пишет за стойкой, рядом кавалер. Другой клерк приветливо улыбается вошедшим. Грабители достают два внушительных револьвера. Гуго оглушительно ревет:

– Быстро к стене! И не двигаться!

Пальчиков, ласково улыбаясь и слегка заикаясь, просительно произносит:

– Быстрее, господа! Быстрее! Право, господа, нет времени на уговоры!

Никого и не приходится уговаривать. Посетители и один из клерков покорно выстраиваются вдоль стены. Пальчиков ловко перепрыгивает через барьер и скрывается с другим клерком за дверью, ведущей во внутреннее помещение. Присутствующие ведут себя смирно. Мадемуазель пытается поправить сбившуюся шляпку. Гуго чуть отводит ствол револьвера в сторону. Не изверг же он какой-то! Кажется, что прошла уже уйма времени. Неужели заело?! Наконец появляется тщедушная фигура клерка с небольшим мешком. За ней Пальчиков с револьвером.

– Стоять и не двигаться! – предупреждает Пальчиков. – Бомба у входа! А вы, сударь, будьте любезны с нами! Надо же проводить гостей! А то неловко получается!

Сэм уже у входа. Гуго забирает у клерка мешок. А Пальчиков достает из пролетки обувную коробку и торжественно вручает ее служащему банка.

– Это, сударь, как вы, наверно, догадались та самая бомбочка, о которой я всех предупредил! – Он достает из кармашка часы, внимательно на них смотрит. – К вам огромнейшая просьба! Двадцать пять минут будьте с ней предельно осторожны! – задумывается. – Нет, пожалуй, все же двадцать семь с половиной минуты! Тут, как вы сами понимаете, точность необходима! Повторяю, будьте с ней предельно осторожны! Из рук не выпускайте! Не дай бог, взорвется! Тогда всех на куски! Я понятно выражаюсь? Вижу, вижу, что все понятно! Теперь ступайте, ступайте, голубчик! Не смею задерживать!

Клерк бережно уносит коробку. Пальчиков садится в пролетку. А Гуго уже там. Думает: «Не хватает адреналина аристократу... Надо бы его к нам... У нас бы не заскучал». Граф недовольно бурчит:

– Всего-то один жалкий мешочек! Там тысяч десять, не больше! Да еще какой-то потерянный футляр... Ты в коробку-то что положил?

– Булыжник, – отзывается Гуго.

– Булыжник? – разочаровано произносит Пальчиков. – Надо было бы настоящую дать! Ну, хоть порошу бы насыпать! А то откроют, и полное разочарование!

– Уж больно вы кровожадны, господин граф, грабитель банков! – смеется Гуго.

– Ну, милая, не подведи, хорошая! – кричит Сэм, привставая на козлах и шелкая кнутом.

Ржет недовольно лошадка, унося экспроприаторов с глаз долой. Лишь ветерок свистит в ушах. А девчонки еще раньше смотались. Как договаривались. Ждут на соседней улице, где и подбирают их разбойники. Дальше уже едут, не спеша, чтобы не привлекать ненужного внимания. Заезжает пролетка в глухой проулок, где и останавливается. Гуго перекладывает аккуратно деньги из мешка в заготовленный заранее саквояж желтой кожи.

– Будем расходиться, – предлагает Пальчиков. – Адье! – и, не дожидаясь ответа, ловко спрыгивает на землю, зря, что ли столько времени гимнастике посвятил, и быстро скрывается из вида.

– Ну и нам пора, – говорит Гуго и тихо добавляет, обращаясь к девчонкам: – Поблагодарите Сэма за ботинки!

– Спасибо, Сэм, за сапожки, – говорит Надька.

– Большое спасибо! – поддерживает ее Люба. – Очень удобные! Сейчас мы вам их отдадим!

Они начинают расшнуровывать ботиночки, но Сэм их останавливает:

– Обижаете! – басит он. – Это подарок! Конечно, если не нравятся, тогда...

– Очень нравятся! Но неловко как-то, – обращается Надька к Гуго за советом.

– Берите, берите! А то обидится! Он мастер знатный. А мы ему в следующий раз что-нибудь принесем, какой-нибудь подарочек.

Сэм вытаскивает из-под сидения кроссовки и отдает их девицам:

– Смотрел, смотрел ваши американские. Ну, никак не пойму, что за материал?! И клей какой-то диковинный!

– Ваши лучше, – смущаясь, отвечает Люба.

– Ну, спасибо на добром слове! Шарманку с собой возьмешь или снова под лестницу? – обращается он к Гуго.

– Под лестницу, под лестницу, – немного подумав, отвечает Шарманщик. – Путешествовать надо налегке... Мы, пожалуй, пойдем, а ты? Деньги-то не отберут?

– Пусть попробуют! Сейчас Степан должен подойти, забрать экипаж. Задерживается почему-то или перепутал чего... Вообще-то не должен. Он паренек аккуратный.

– С нами чай тоже пил, скромный такой, молчун, – поясняет Гуго девицам и, обращаясь к Сэму, добавляет: – Ну, тогда прощай! Держи маузер, с ним понадежнее!

- До свидания, Сэм! – церемонно откланиваются девицы.
Группа быстрым шагом удаляется прочь.
- Вы чего это вдруг заспешили? – интересуется Надька.
- Не нравится мне все это! Степан запаздывает и вообще... Нам здесь задерживаться не резон. Помогли товарищам по борьбе и будя! Да и Сэма никто не видел, если что.
Они сворачивают за угол и оказываются на Неглинной.

В ночной клуб

– Ну и ну! У меня сейчас точно полностью крыша съедет! – отозвалась растеряно Надька.
– И ведь не поверит никто! В дурдом упекут, и все дела, – с грустью констатировала Люба.
– Ну-ну, не раскисать! Слушай мою команду! Поползли в «Трюм»! – решительно постановил Гуго.

– Это еще что такое?! – испуганно поинтересовалась Надька.

– Ночной клуб. Нужен релакс, а то после всех этих эксов нервы на пределе! Могу сорваться!

– Может, не надо? Устали все же, да и в интер бы пора, – неуверенно возразила Люба. В ночной клуб пойти очень хотелось. Они еще не бывали в подобных заведениях, но много слышали о них хорошего.

– Там сегодня один знакомый ди-джей зажигает, – пояснил Гуго. – Боже! Как же я ненавижу такие слова! – вдруг ожесточился он. – Зажигает, прикольно, стремно! Тьфу, ити их мать!

– Вы старый, вот и не врубаетесь! А слова нормальные, не хуже других. Вот мат мы с Любой не одобряем, – высказала свое мнение Надька.

– Да, мат мы не одобряем, – подтвердила Люба. – Хотя иногда, конечно, выражаемся, когда уж очень достанут!

– К сожалению, без мата частенько совершенно невозможно обойтись, – согласился с ними Гуго. – Хотя, скажу я вам, его повсеместное употребление в обиходной речи, особенно среди молодежной аудитории, привело к его полной и резкой девальвации, что весьма прискорбно. Однако, надеюсь, неокончательной. Я имею в виду ту уникальную нишу, которую он занимает в русском языке. Кстати, вы слышали о последних достижениях отечественного лексикона? Теперь, оказывается, можно говорить договор и мое кофе! Каково?! Улица да малограмотные чиновники будут диктовать нам, как правильно нужно говорить! Докатились! Тотальная пошлость! Эти академические умники совсем тронулись умом! Уж так хочется угодить плебсу! Прямо мочи нет! Ложите свою свеклу в зад! Мужчина, кому говорят! Конечно, такое нравится! Просто не может не нравиться!

Вот так, за разговором об извилистом пути русской словесности они дошли до «Трюма». Перед ночным клубом монументально возвышалась фигура охранника. Он был одет в форму американского морского пехотинца и осуществлял входной фэйс-контроль. Увидев Гуго с девочками, он сделал останавливающее движение рукой. Но так как Гуго и не думал тормозить, то рука уперлась ему в грудь.

– Сегодня по пригласительным билетам, – пояснил верзила с наглой ухмылкой.

– А эти? – Гуго указал на маленькие группки молодежи, обтекающие их с двух сторон и исчезающие в недрах «Трюма».

– У этих есть, – усмехнулся лже-морпех. – Школьницам тоже нельзя, – кивнул он в сторону Любы и Надьки.

– Разговор не получается, – с сожалением констатировал Гуго.

– Вы скажите ему, что у вас знакомый ди-джей! – посоветовала ему шепотом Надька.

– Да-да, сильно знакомый ди-джей, – задумчиво пробормотал Шарманщик. – Жаль, нет с собой революционного маузера, очень жаль, – посетовал он со вздохом.

– Так вы же его Сэму отдали! Забыли уже? – напомнила Люба.

– Да, верно, Сэму... Что делать-то будем?

– Что-что, валить надо! Вот что! – ответила Надька.

– Девушка дает правильный совет, – подтвердил охранник.

– Нет, неправильный, – не согласился Гуго. – Валить никак нельзя! Ну, никак! Необходимо расслабиться, иначе сорвусь! Я же говорил! Неужели непонятно?!

– Уходите, а то будут неприятности! – предупредил лже-морпех и угрожающе положил другую руку на резиновую дубинку, ласково прозванную в народе демократизатором. Она была пристегнута к поясу.

– Ладно, пожалуй, ты прав! – неожиданно миролюбиво промолвил Гуго. – Мы пойдем, только вот что... – Он порылся в карманах своего длинного черного плаща. – Есть тут для тебя один сувенир, – и вытащил огромную гранату. – Это граната, – стал комментировать свои действия. – Теперь я выдергиваю чеку, – и он демонстративно выдернул чеку.

Люба с Надькой потом часто рассказывали подружкам и приятелям про свой поход в ночной клуб. Ну, короче, он достал эту самую гранатищу. Огромная такая, дореволюционная. Ну, думаю, теперь уж точно все! Отбегались! А у того кретина аж глаза на лоб вылезли, и челюсть отвалилась! А сначала такой наглый был, прямо как танк! А Шарманщик ему и говорит, прочь руки, мразь! Так и сказал! А потом говорит, пошли с нами внутрь, холуй! Нет, Люб! Он ему сначала гранату всучил и сказал, держи крепче, а то все отправимся в штаб к генералу Духонину! Это я, честно говоря, не поняла, о чем он. А тот бычара сразу понял, и глазами заморгал, мол, все ясно, ну с этим штабом. Все сделаю, как надо, можете не сомневаться! Нет, Надь, ты путаешь, это уже потом было. Сначала внутрь зашли. Неважно, Люб! А Шарманщик довольный такой, лыбится. Подошли к стойке. А он и говорит, чашку текилы, а барышням шампанского и пирожных, сколько захотят. Так, прямо и сказал, не рюмку там, а чашку и шампанского с пирожными! А тот рядом стоит белый, как мел. И говорит, губы трясутся, за счет заведения. Попробовали бы не дать! А Шарманщик выпил и довольный такой, замурлыкал: «Мундирчик серенький, мундирчик серенький, мундирчик тоже хочет жить...» Здоровско так! Это, говорит, про силовиков, на мотив «цыпленок жареный». Будете, говорит, разучивать. Подавать будут нормально. Сто пудов! Они народу вот так надоели! И показывает, как. Ну, мы спорить не стали. Надо, так надо. Хотя какой такой жареный, хрен его знает! Короче, я не поняла, Люб. А ты? Я тоже, Надь! Ну а шампанское, детишки, было просто обалденное, а пирожные, те вообще такие классные, нет слов! Шарманщик и говорит, еще чашку! Правда, Люб? Так и говорит, я-то, говорит, сладкое не ем. Потому что может случиться диабет! А мне болеть нельзя! Кому я нужен больной?! А вам надо, соображать лучше будете. Ну а потом, уже когда вышли, он и говорит: Боже, мой! Ну, неужели нельзя было мирно, достойно, по-людски?! Да и текила эта, ну просто, полное говно! Лучше русской водки ничего нет!.. Так и сказал! Потом подошел к этому вышибале, а тот вцепился в гранату, прямо намертво. Не могу, говорит, разжать руку. Не знаю, говорит, что делать. Потом все-таки разжал. А шарманщик вставил чеку назад и говорит ему, ты на меня зла-то не держи, пехотинец, нервы на пределе после экса. Сам понимаешь! А тот только хлопает глазами, не понимает, после какого такого экса. А, действительно, после какого? А вот этого мы вам пока сказать не можем! Мне почему-то кажется, что она бы и не взорвалась, граната эта, хотя хрен ее знает, в старину ведь все делали на совесть. В общем, в этом ночном клубе-то ничего особенного-то и нет, хотя, конечно, вышло классно! Интернатчики все это выслушивали, затаив дыхание, но сомневались сильно, уж больно все это было похоже на стопроцентную брехню. Но то, что интересно было, это, конечно, факт.

«Вернулся я на родину...»

– Сколько хамья в России, – посетовал Гуго, когда они уже изрядно удалились от ночного клуба. – Нигде столько нет! Как же я ненавижу всю эту шваль!

Любе почему-то стало обидно за Родину, и она возразила:

– А у людоедов, думаете, лучше? Мы с девчонками слышали, что в Африке один съел человек сто, не меньше! Правда, Надь?

– Да, один местный кадр, кажется, то ли генерал, то ли президент какой-то, – подтвердила Надька.

– И звали его Робин-Бобин-Барабек, – откликнулся Гуго. – И съел он не сто, а шестнадцать человек!

– Нет, сто! – заупрямилась Люба. – Я точно помню!

– Замнем для ясности, – предложил Гуго.

– Нам пора в интер, – со вздохом сказала Надька. – А то припозднились, дальше некуда!

– Могут быть неприятности! – подтвердила Люба.

– Ладно, поехали! На тачку денег нет, придется на метро, – объяснил Гуго.

Они спустились под землю.

– У меня социал, – сказал Шарманщик. – По причине психического нездоровья, – и постучал себя пальцем по лбу.

– А мы протыримся за вами паровозиком, как неимущие, – прояснила ситуацию с билетами Надька.

Турникет слегка прищемил Любу, шедшую последней.

– Как всегда! Не везет с этими долбаными турникетами! – сказала она в сердцах.

– Батюшки-светы! – уже в вагоне неожиданно для всех вскрикнула по-бабы Надька, хлопнув при этом себя руками по бокам, чем вызвала неподдельный интерес окружающих пассажиров. – Бутыльброд все ж таки забыли взять! Так и знала! Ешкин кот!

– Обижаете, мадмуазель! – выдержав небольшую паузу, откликнулся Гуго. – А это, позвольте вас спросить, что? – и он выудил из недр своего черного плаща бутылку водки. – То-то и оно! Мы-с все помним-с и ничегошеньки не забываем! И почему, спрашивается, такая паника? Что это еще за дьявол в плоти по имени Савоська?

– До него была вахтерша тетя Клава. Тоже, конечно, говно редкое! – стала по порядку объяснять Надька. – Потом ей дали хорошего пинка под зад! Понадобилось ее место. И назначили этого долбоеба... Черт, забыла... Люб, как они называются, не помнишь?

– Да по-чудному как-то! Тоже не могу вспомнить! Ну, вы-то наверняка знаете! – обратилась Люба к Гуго.

– Кагебешники? – предположил Шарманщик.

– Во-во! – обрадовано подтвердила Надька. – Я так и знала, что вы угадаете! Он еще по совместительству ОБЖ преподает.

– Это еще что за хрень? – поинтересовался Гуго.

– Здравсьте-пожалуйста! Вы что?! С луны свалились?! Это же Основы безопасности жизни! Без них сейчас никуда! Ну, это он, конечно, гонит малость, что без этого никуда. Короче, типа, как себя защитить, ну буквально от всего! – При этом Надька неожиданно икнула. – Извините! Наверно пирожных переела.

– Он сам из Тулы. Вслед за сыном сюда приперся, – продолжила рассказ Люба. – Мы, говорит, вас всех спасли! Без нас держава накрылась бы медным тазом! А так мы ее подвесили на крюке. И она не свалилась в пропасть!

– На крюке? Это что-то новенькое! И когда же это он вас просвещает? – поинтересовался Гуго.

– Да на праздник какой-нибудь. Подопьет, всех соберет и говорит: «Я вам сейчас мозги буду прочищать! Хороших мест не осталось, придется у вас здесь служить Родине. Верой и правдой!» Так-то он, конечно, мужик не очень вредный, но говнистый. Это факт!

– Ладно, девчонки, не грустите! – бодро произнес Гуго.

– Выходим! – ответила Надька.

Народу на перроне было немного.

– А нам грустить нечего! – несколько запоздало среагировала Люба. – Все при нас. И молодость, и здоровье, да и красотой бог не обидел!

– Так, стоп! – приказал Гуго.

Все остановились.

– Ну что опять удумал?! – устало поинтересовалась Надька. – Достал уже со своими приколами!

– Ну-ка, повернитесь! – предложил он.

– Это еще зачем? – заподозрила подвох Люба.

– Проверить надо... Да, красотой вас бог действительно не обидел, – тщательно осмотрев спутниц, саркастически подтвердил Гуго. – И черт меня все же дернул с вами связаться! Теперь будет головная боль – замуж вас выдавать. Ведь не бросишь же на панели!

– А мы к вашему сведению не горим желанием. С чего это вы взяли? Наше дело молодое, а носки вонючие стирать всегда успеется! – выразила общее мнение Надька. – Так, Люб?

– Все правильно, Надь! – поддержала подругу Люба.

– А почему обязательно вонючие? – с интересом уточнил Шарманщик.

– Потому что знаем! Не первый год замужем!

– Дерзкие, – констатировал Гуго. – Ну, да сам виноват! Надо было вас отдать на растерзание свирепым хищникам! Ладно, еще не вечер!

– Не пугай! И не таких видали! – огрызнулась Люба.

Так, слегка препираясь, они вышли из метро и направились не спеша к интернату.

– Да, все хотела у вас спросить! Где проход-то этот? – поинтересовалась Надька.

– Какой проход? – не понял Гуго.

– Ну, в революцию который!

– Не приставай, Надь! Все равно не скажет! Точно тебе говорю, – остановила Люба подругу.

– Почему же не скажу?! В революционную действительность никакого особого прохода нет, – стал объяснять Шарманщик. – Нужен дом дореволюционной застройки, и в нужное время свернуть за угол. И ты там! Ну и, конечно, соответствующее революционное настроение! Без этого никуда!

– И все? – уточнила Надька.

– Одежда и все прочее должно тоже соответствовать.

– Ну, у нас-то ведь не соответствовало.

– Бывают, разумеется, как и в любом деле исключения.

– И больше ничего? – подозрительно спросила Надька.

– Нет, еще есть кое-что!

– И что?

– Этого я вам пока сказать не могу!

– Коммерческая тайна? А то все попрутся за водкой? – догадалась Надька.

– Возможно, что и так, – туманно ответил Гуго.

– Что я тебе говорила, Надь! Не скажет! – сказала с удовольствием Люба.

Они подошли к большому серому четырехэтажному дому, отдельно стоящему в глубине двора, обнесенного высоким железным забором. Толстые железные прутья заканчивались остроконечными пиками. Вдоль забора росли кусты. Двор был ухожен, чист и хорошо освещен.

– Ну, вот мы и дома, – невесело произнесла Люба.

– Сиренью пахнет, – сильно втянув носом воздух, заметил Гуго. – Да и дворик симпатичный, фонарики горят. Уютно!

– Сиренью, уютно, – передразнила его Люба. – Наши на забор нассали, – усмехнулась. – Сиренью!

– Да ладно тебе, Люб! Чего ты?! Действительно, сирень. Еще в прошлом году посадили, – разъяснила Надька.

У проходной девчонки слегка замешкались.

– Все нормально! – бодро произнес Гуго, передавая бутылку водки Любе. – Идите! Не бойтесь! Я подстрахую, если что!

Девчонки скрылись в проходной.

Сергей Иванович Савостьянов расслабленно следил по телевизору за перипетиями футбольного матча. Игра шла вяло, футболисты постоянно ошибались, вызывая у него вялое раздражение и легкий мат. Не отрывая глаз от экрана, он ногой открыл дверь своего служебного помещения и приветливо произнес:

– Ну, явились, не запылились! А то мы уж вас, родные вы мои, заждались! Милости просим, сударыни, заходите! Не стесняйтесь!

Девчонки зашли за перегородку.

– Вот, как договаривались! – Люба торжественно водрузила бутылку водки на маленький столик в углу, рядом с электрическим чайником.

Сергей Иванович оторвался от экрана и стал с любопытством рассматривать бутылку. Потом привстал, потянулся и взял ее в руки.

– И сколько же такая радость стоит?

– Двадцать копеек, – хмуро ответила Надька.

– А может, пять?! Ты смотри, как насобачились делать! – произнес он с восхищением. – И даже сургучом умудрились залить! Ну, деятели! То, что пузырь принесли, это правильно. Дал слово, держи! Ну а теперь будем заниматься сексом!

– Это еще, с какого бодуна?! – возмутилась Люба. – Договор был илиили! Так?

– Все так! Но я передумал!

– Сэм сказал, что если ты на нас будешь наезжать, он с тобой разберется! – зло предупредила его Надька.

– Какой еще такой Сэм? – усмехнулся Сергей Иванович. – Уж не заокеанским ли дядюшкой Сэмом пугать меня вздумали?!

– Он берет двумя пальцами пятак. Раз и готово! На две половинки! – объяснила Люба. – Реально тебе говорю!

– Вижу, у вас совсем крыша поехала. Он что, бандит? – на всякий случай уточнил Савостьянов.

– Можно сказать и так. У него отец кузнецом работал. Вот и он такой же здоровенный бугай вымахал! Мы тебе принесли? Принесли! Так что в расчете! И хорош дурковать!

– Скидавайте быстро портки! Без разговоров! Иначе начальству доложу! Тогда узнаете! Гуго неслышно появился в помещении.

– А без пошлостей можно, Сергей Иванович? – ласково предложил он.

– Это еще что за хрен с горы? – спросил Савостьянов. – Еще один заступник? Или тот самый Сэм?

– Сейчас он тебе пропишет, Савоська! – пообещала Люба. – Тогда увидишь, все увидишь! Как маленьких обижать!

– Ладно, я пошутил! Бегите в казарму! Мероприятие переносится! Бегите, пока я добрый!

– Нам идти или как? – поинтересовалась у Гуго Надька.

– Идите, все нормально! Я за вами заеду перед представлением.

Девчонки, не торопясь, с достоинством удалились.

– Ты бы не лез не в свое дело! А? Мы здесь сами разберемся между собой, без всякого иностранного вмешательства! Ты вообще-то кто такой? У тебя регистрация имеется?

– Имеется, имеется. Целых две! Одна дневная, а другая ночная! Тебе, какую предъявить? А вообще-то я человек-паук! Неужто не признал?

– Знаем, смотрели, не пальцем деланы! Но не наше это! Иван-дурак – это наше! И когда, наконец, вы оставите нас в покое? Ты как думаешь?

– Ладно, Сергей Иванович! Кончай прикидываться! За совращение малолетних загреметь хочешь? – участливо осведомился Гуго.

– Да какие же они малолетние?! – искренне изумился Савоська. – Вон, какие кобылы вымахали!

– Кобылы, как вы изволили выразиться, они конечно изрядные, а шестнадцати еще нет, как ни крути!

– Да брось ты! Здесь год за три идет! Как на войне!

– Мы все время, как на войне... – задумчиво произнес Гуго. Ему хотелось пугнуть Савоську гранатой, но второй раз этот финт мог не пройти. Да и Савоська, по всему видно, был тертый калач. – Ладно, старый паскудник, дискуссия на тему добра и зла закончена. Ты все понял, бл...?! – неожиданно резко завершил разговор Шарманщик.

– Ладно, ладно, иди себе, адвокат хренов, иди с богом... – тихо посоветовал Савоська и еще тише добавил: – Мы с тобой потом посчитаемся!

Неприятный оборот

Желудин возвращался домой в неплохом настроении. Накануне он познакомился с молодой, а точнее совсем юной и очень привлекательной поэтессой. И, кажется, сумел произвести должное впечатление. Чутье опытного ходака подсказывало ему, что это знакомство может иметь весьма многообещающее продолжение. С недавнего времени при общении с молодыми женщинами он начинал слегка комплексовать, чего раньше за собой не замечал и определял это, как признак надвигающейся старости.

Его путь пролегал мимо рюмочной, куда он изредка заходил. Ну, не совсем мимо, она находилась немного в стороне, в переулке. Вот и в этот раз, после недолгих колебаний, – дома его ждала початая бутылка недурственного коньяка – он свернул в этот самый переулок. «Там, где чисто и светло», – каждый раз вспоминал он рассказ Хемингуэя, оправдывая свои действия. Во времена железной занавески, так он окрестил про себя недавнее коммунистическое прошлое, интеллигенция придавала творчеству этого писателя излишне культовое значение. Хотя отдельные его вещи он и по сей день ценил довольно высоко. Хемингуэй предельно точно ловил повествовательную интонацию и уже с нее не слезал. «Там, где чисто и светло», – снова повторил Желудин, уже подходя к рюмочной. Но заведение было закрыто. Окна были замазаны белой краской с выведенной на ней надписью «Ремонт». Из двери с мешком строительного мусора вынырнул таджик.

– Ремонт? – зачем-то поинтересовался у него Желудин.

– Ремонт, дядя, – ответил, доброжелательно улыбаясь, рабочий.

Неожиданно Желудин вспомнил, что женщина, пришедшая с этим самым Гугой, кажется, работала в этой самой рюмочной. Точно работала! И как это он сразу не сообразил?! И в те редкие заходы он, беря рюмку водки, обращался к ней ласково: «Хозяюшка!» Иногда он перевоплощался в своих персонажей и пользовался их лексикой.

– Послушай, любезный! – снова обратился он к таджику, возвращавшемуся назад с пустым мешком. – А где бабенка, ну та, которая разливала напитки?

– Ремонт, дядя, – опять доброжелательно улыбнулся рабочий.

Почему-то это обстоятельство с неожиданным ремонтом рюмочной испортило ему настроение. Он повернул к дому и попытался поглубже проникнуть в некоторую изменчивую парадигму взаимоотношения зрелого мужчины и юной женщины. До революции такая связь была абсолютно нормальным явлением. После – аномалия, теперь снова в порядке вещей. «Что-то на глупость понесло», – остановил он себя.

Наконец Желудин добрался до своей квартиры. Ключ опять не лез в замочную скважину. Узка, не протиснуться. Только мощь, сильный напор. В молодости струя до потолка... Главное, подольше силу сохранить... Ну, в конце концов, удалось, открылся, голубчик! В прихожей его уже поджидал Пукс. Он требовательно посмотрел на хозяина и гневно мякнул. «Какой ты все же, наглец! – вслух констатировал Желудин. – Вот отнесу тебя к помойке, интеллигент хренов! Будешь бедовать с бомжами. Тогда узнаешь, что такое настоящая жизнь!» Последнее время хозяин сильно раздражал Пукса, и у него периодически возникало сильнейшее желание, как следует его укусить. Как это было бы славно! Но память о мощном ударе ногой, который он получил пару лет назад за такую попытку, каждый раз удерживала его от подобного поступка.

Желудин сварганил себе яичницу с колбасой. Выпил две рюмки коньяку и прилег на диван. «Редкая птица долетит до середины Днепра... – почему-то вспомнил он. – Ну, ворона, голубь или там воробышек какой, те действительно. А перелетные, которые мощно, синхронно машут крылами, им этот Днепр, как два пальца... И потом целый век будут смаковать! Чистой воды гипноз да и только... А взять пьесы многоуважаемого Антона Павловича. Кроме „Чайки“, все остальное полнейшее занудство... Как хорошо, что есть эта уютенькая

квартирка. Просто повезло. Бывали все же в жизни разумные поступки. А так бы в худой шинелишке, а уже начинает холодать, где-нибудь в подворотне, – довольно засмеялся. – Или по сцене на полусогнутых с холуйской улыбкой! Даже не верится, что этот господин когда-то делал приличные фильмы... Права Нина, нельзя заглядывать в глаза дракону... А ведь все время тянет... Неужели неясно, что без этого не сделаешь ничего!»

Отдохнув, Желудин сел за компьютер. Оттягивая неизбежное свидание с чистым листом, он сначала проверил все свои почтовые ящики. Потом просмотрел новости. Затем задал в поисковике свои имя и фамилию. Убедился, что ссылок не прибавилось. И, наконец, в тот момент, когда он уже открыл Word со своим текстом, раздался звонок в дверь.

«Кого там черт несет?! Только соберешься духом...» – подумал он, подходя к двери и заглядывая в глазок.

На лестничной площадке стояли два мента. Желудин вспомнил об оборотнях в погонах и решил дверь не открывать. Нету дома, и все дела!

– Вадим Георгиевич! Мы знаем, что вы дома! Открывайте! – предложил один из них.

«Все уже разнюхали, гады! И как зовут и что – дома! – Ему захотелось крикнуть им: «Пошли на хер!» – но этим он бы сразу выдал себя.

– Вы же не хотите, чтобы выломали вашу замечательную дверь? – добродушно поинтересовался второй мент.

Ничего в ней замечательного нет! Отвратительная облезлая дверь, которая не менялась со времен заселения. На понт берут, не иначе... Тем не менее, Желудин представил, как ему потом придется вызывать слесарей или, того хуже, покупать новую дверь, и у него от ярости потемнело в глазах. Сдержавшись, как можно спокойнее, он произнес:

– Давайте-ка без угроз! Покажите лучше удостоверения и назовите свои фамилии!

Менты охотно показали документы, по очереди поднося их к глазку, и представились.

– Ладно, сейчас проверю! – Желудин позвонил по 02, его переключили на РУВД. Там подтвердили, да, действительно, такие у них работают. В критические моменты он соображал довольно быстро. Срочно нужен был человек дела, без дурацких выяснений, уточнений и сантиментов. Мгновенно проанализировав возможных кандидатов, он остановил свой выбор на Попсуне и набрал его номер. Того, как назло, не было дома, и Желудину пришлось кратко обрисовать ситуацию, наговорив все на автоответчик. На звонок по мобильному времени уже не оставалось. Менты стали проявлять нетерпение, колотя в дверь и непрерывно нажимая на кнопку звонка. Дальше злить их было бы неразумно.

Он открыл дверь и хмуро поинтересовался:

– Чем обязан?

– Вот ордер на ваше временное задержание, – предъявил один из ментов бумагу.

– Бред какой-то! – возмутился Желудин. – До утра, что ли, не могли подождать?

– Значит, не могли. Одевайтесь! Поедете с нами!

– Смену белья брать? – усмехнулся Желудин.

– Не надо, – улыбнулся в ответ другой мент. – Снимут показания и отпустят.

Оба кадра были в звании майора. И это было странно. Что-то тут было не так... Чтобы вручить какую-то обычную повестку, посылать двух майоров? Нескладно как-то...

– Неужели участковый бы не справился? Еще бы генералов прислали! – сочувственно покачав головой, пустил пробный шар Желудин.

Первый мент внимательно, изучающе посмотрел на него и нехотя проронил:

– Приказы начальства не обсуждаются.

«Спасибо... – мысленно поблагодарил его Желудин за информацию, одновременно обеспокоено отметив, что дело плохо: – Скорее всего, я случайная пешка в какой-то серьезной игре... или я чего-то недопонимаю, что, впрочем, одно и то же. До ужаса напоминает какой-то голливудский фильм... или дурной сон».

Внизу стоял лимузин, из тех, на которых обычно разъезжает милицееское начальство. И это тоже не успокаивало.

На улице после недавнего небольшого дождика было влажно. Мельчайшие капельки влаги, висевшие в воздухе, причудливо рассеивали свет от фонарей, придавая окружающему неправдоподобный вид. Луна мутным расплывчатым пятном выглядывала из-за облаков. Неожиданно силуэт огромной птицы закрыл луну. Все дружно подняли вверх головы. В лица ударил дурно пахнувший поток воздуха.

– Похоже на стелс⁷, – неуверенно сказал один из майоров. – Слышал про такие аппараты?

– Слышать-то слышал, но чтобы он еще и крыльями махал, – не без ехидства откликнулся второй. – И главное, сильно вонючий этот самый стелс.

– Ну, вонища – это из Капотни.⁸ Просто ветер в нашу сторону.

– Капотня на юге, а мы на севере, – снова возразил второй.

– А что ты предлагаешь?

– Возможно, орел... Может быть, грифон. У орла крылья послабее. Помнишь, у внутриков⁹ на эмблеме? Еще они нехило замок атаковали!

– Какой замок?

– В фильме «Принц Каспиан»¹⁰.

– Скажешь тоже. Откуда здесь взяться грифону. Они, кажется, обитают в Индийском океане. Может быть, параплан. Ладно, поехали!

Все трое погрузились на заднее сиденье машины. Желудина поместили посередине, и ему вспомнились вымышленные существа Борхеса.

– Трогай! – приказал первый мент шоферу.

⁷ Малоаметный для радиолокаторов летательный аппарат.

⁸ Место в Москве, где расположен нефтеперерабатывающий завод.

⁹ На эмблеме внутренних войск МВД изображен грифон.

¹⁰ Кинофильм по второй книге из серии «Хроники Нарнии».

Очная ставка

– Проходите, пожалуйста! Садитесь! Вы уж извините, ради бога, что выдернули вас в столь поздний час! Меня зовут Джоэль, наглый хвастун! – И следователь, открыто улыбнувшись, сделал приглашающий жест рукой.

Желудин не смог скрыть удивления, а следователь довольно добавил:

– Есть такая компьютерная игра. Очень, кстати, ничего! Рекомендую! И там я уже на третьем уровне. А так, в миру, я Егоров Николай Сергеевич, старший следователь межрайонной прокуратуры.

«Прием... чтобы сбить с толку!» – констатировал Желудин и холодно произнес:

– Желудин Вадим Георгиевич, старший советник юстиции Главного следственного управления СКП¹¹ Российской Федерации.

Теперь уже удивился Егоров, неуверенно уточнил:

– Шутите?

– Нисколько! С детства мечтал, но, к сожалению, не сложилось.

– А-а, – протянул следователь.

– Зачем вытащили из постели? Хорошо еще, что наручники не надели!

– Не пойму, зачем вам понадобилось нападать на охранника ночного клуба «Трюм»? – задал Егоров встречный вопрос, взял со стола листок, надел очки и прочитал: – Егорова Льва Сергеевича, – и предупреждая возможный вопрос, объяснил: – Совпадение. Однофамилец, – и помолчав, чуть поморщившись, добавил: – И по отчеству тоже. Так он что, ваш знакомый? Раньше где-нибудь встречались?

– Вы шутите? – на этот раз уже уточнил Желудин.

– Нисколько! Или вы разозлились, что он вас не стал пускать, и решили не ударить лицом в грязь перед девицами? Показать, какой вы крутой?

– Перед какими девицами? – перестал уже вообще что-либо понимать Желудин.

– С которыми вы пришли в ночной клуб! – терпеливо продолжил следователь. – Я должен вас предупредить, что ваши действия могут квалифицироваться по статье 213 УК РФ, как хулиганство. При отягчающих обстоятельствах по этой статье предусмотрен срок до семи лет. Охранник Егоров утверждает, что вы угрожали ему гранатой, а это подпадает под действия, совершаемые с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Я понятно выражаюсь? Где вы были тринадцатого вечером в районе десяти часов?

– Не помню. – Желудин стал мучительно вспоминать, где он был вечером тринадцатого. Кажется, это был четверг... нет, скорее, пятница.

– А вы вспомните. Это важно, можно даже сказать, очень важно!

– Вспомнил! – с облегчением произнес он. – Дома был. Да, точно, дома сидел, работал.

– Свидетели есть? Кто может подтвердить, что вы были дома?

– Есть один свидетель. Но он вряд ли вас устроит. Это кот по имени Пукс.

– Кот по имени Пукс? – зловеще переспросил следователь. – Я так понимаю, что других свидетелей нет?

– Других, к сожалению, нет, – виновато признал Желудин.

– Это, я вам доложу, очень плохо. И сейчас вам будет не до шуток! Как насчет добровольного признания?

– Какого признания? Вы что, серьезно?

– Серьезнее некуда! Значит, добровольно признаваться не хотите! Ну что же, дело хозяйское! Каждый, как говорится, сам кузнец своего счастья. Давайте посмотрим запись камеры

¹¹ Следственный комитет при прокуратуре.

наружного наблюдения, которая висит перед входом в этот самый «Трюм»! – Егоров развернул монитор компьютера так, чтобы Желудину было видно происходящее на экране, и сделал приглашающий жест рукой.

Тот увидел небольшие группки молодежи по двое, по трое, проходящие куда-то мимо охранника, верзилы в камуфляжной форме и берете. Потом возникла фигура здорового бородатого мужика в сопровождении двух молоденьких девиц. В нем Желудин с изумлением узнал себя. Видимо, он что-то стал обсуждать с охранником. Звука не было. Потом тот стал толкать его в грудь. В этот момент запись остановилась.

– Это кто? – показывая пальцем на верзилу, поинтересовался Желудин.

– Охранник из ЧОПа под названием «Свояки». У них с «Трюмом» договор.

– Хорошее название. Свояки-бурундуки, – задумчиво прокомментировал Желудин.

– Да, неплохое, – согласился следователь. – И рифмуется хорошо.

– А бородатый?

– А бородатый – это вы, – ласково улыбнувшись, ответил Егоров, наслаждаясь возникшей паузой.

– Это не я! – собравшись с духом, твердо отчеканил Желудин. – А человек, отдаленно напоминающий меня по внешнему виду. Да и плаща такого у меня сроду не было! Я не герой боевика! И такую одежду не ношу!

– Никто и не говорит, что вы боевик. Терроризм – это совсем другая статья.

– Какой еще терроризм?! Я сказал, герой боевика, а не боевик! Это же разные вещи! – решил на всякий случай пояснить Желудин. Мало этой глупости, еще и терроризм прилепят. Похоже, что издевается, гаденыш эдакий!

– Конечно, разные, – снова охотно согласился следователь.

– А где граната, которой я будто бы пугал охранника? – Неожиданно в голову Желудина пришла мысль поинтересоваться этим обстоятельством. – И на записи ее нет.

Тень легкого недовольства промелькнула по лицу Егорова:

– Гранату ищем, и я уверен, найдем в ближайшее время. Не сомневайтесь!

«Кто бы сомневался...» – подумал Желудин и, четко выговаривая каждое слово, произнес:

– Я никогда там не был, а уж тем более не пытался взорвать какую-то мифическую гранату! Вы сами-то верите во всю эту чушь?

– Это неважно, верю я или не верю! Здесь вопросы задаю я, так уж получилось! А отвечать должны вы! Я ясно выражаюсь?! – окрылся следователь.

Желудину захотелось дать понять этому обалдую следователю, что он не какой-нибудь там... бомж! А человек с именем... хоть и не очень известный, но, тем не менее, у него за плечами два сборника, его многие знают. Он может поднатужиться и сделать звонок, кому надо, и все образуется. Но у него хватило ума ничего этого не говорить. Это бы только подзадорило следака и показало его слабость. Кто может позвонить, тот сразу это делает, а не занимается пустыми угрозами. А он только и может, что поднатужиться и... пукнуть. В этой ситуации лучше играть в поддавки и изображать из себя дурака.

– Нет, это не я! Явная подстава! – произнес он в недоумении и для пущей убедительности развел руками.

Следователя немного разочаровал ответ Желудина.

– Все так говорят. Ну, предположим, что это не вы, – согласился он добродушно. – Я и не настаиваю.

«Лавры Порфирия Петровича покоя не дают...» – подумал презрительно Желудин.

– Но вас признал на записи охранник клуба. Как это объяснить? – продолжил Егоров.

– Егоров Лев Сергеевич? – уточнил Желудин и увидел: то, что он запомнил фамилию, имя и отчество свидетеля, не понравилось следователю.

Тот лишь утвердительно кивнул в ответ головой.

– Ошибся, всякое бывает, может в голову вступило или после пьянки. Вы же знаете, какую туда публику набирают? – И Желудин снова внимательно проследил за его реакцией. Тому это снова не понравилось.

– Бывает, все бывает... Поэтому и проведем очную ставку. Если не вы на пленке, то и бояться нечего! – Егоров демонстративно выключил диктофон.

– Я и не боюсь.

– Вот и хорошо, – откликнулся следователь. – А то многие сразу обсираются.

Последний глагол резко выбивался из общей тональности разговора. Специально. Мол, могу и эдак.

– Идите за мной, – предложил Егоров.

«Ишь как подготовились! А ведь время-то позднее...» – отметил Желудин и вспомнил, как в американских боевиках часто свидетель через зеркальное стекло опознает убийцу.

Здесь все было попроще. Его проводили в обшарпанную комнату, где на стульях с овальными железными инвентарными бирками по бокам уже сидели какие-то небритые алкаши. Желудина посадили где-то посередине. От соседей нестерпимо несло мочой. В углу жались две сомнительного вида тетקי, исполнявшие роль понятых. Затем ввели какого-то туповатого верзилу, очень напоминавшего внешним видом следователя. На вопрос последнего – вы узнаете среди присутствующих человека, угрожавшего вам гранатой у клуба, – тот сразу же ткнул в Желудина пальцем, произнеся с ненавистью:

– Ну что, попался, гад?!

– Точно? – поинтересовался у него следователь.

– Как родную маму! – ответил ему верзила.

«Шоу на костях продолжается...» – подумал с беспокойством Желудин.

– Всем спасибо! – поблагодарил присутствующих следователь.

– Кине конец! – не удержался Желудин и поймал на себе осуждающий взгляд Егорова-следователя.

– Куда теперь, гражданин начальник? – спросил он, подумав: «Отец сидел при коммунистах, теперь моя очередь настала. Нельзя нарушать семейную традицию...»

– Пройдемте в соседнее помещение, – ответил недовольно Егоров. Перемена настроения Желудина его явно не устраивала.

Соседнее помещение представляло собой задрипанную небольшую комнатенку со столом и двумя стульями.

– Ждите, – сказал следователь и закрыл за собой дверь.

Желудин познакомился с Ниной незадолго до окончания института. Она не была похожа на его подружек по общежитию, с которыми он неплохо проводил свободное от учебы время. Он уже тогда начал пописывать и показал ей свои опусы.

– Неплохо, но все же аттракцион. А должен быть удар, – доброжелательно улыбаясь, сказала она. – По мозгам или по сердцу. Испуг, радость, что хочешь, но должно!

Желудин попытался ей объяснить, что у юмора другая природа. Должно быть смешно, и все дела. Возможно, согласилась она. Нина работала в лаборатории парапсихологии, куда умудрилась устроиться после университета. Официально лаборатория называлась, естественно, по-другому, чтобы не дразнить гусей, которых вокруг было в избытке. Нина прикрепляла датчики к растениям. И когда живую креветку бросали в кипящую воду, рядом стоящее растение выдавало сильнейший электромагнитный импульс, переживая гибель креветки. Тогда это сильно поразило Желудина. Что-то такое он и сам предполагал чисто интуитивно, но оказалось, какие-то люди серьезно занимаются изучением единства живого мира. Это совершенно не вязалось с господствующей в то время марксистско-ленинской идеологией. Да, это уже была явная фронда. И через какое-то время лабораторию прикрыли.

У Нины была комната в большой коммунальной квартире на Тверском бульваре, и Желудин переехал к ней. Она изредка готовила салаты с большим количеством майонеза и обильно сдабривала их перцем. К домашнему хозяйству она относилась с полнейшим равнодушием. Близились время распределения и, чтобы не услали за тридевять земель, Желудин сделал ей предложение. Она была темпераментна, мила и изобретательна и внешне чем-то напоминала юную Ахматову. Последнее обстоятельство сильно повлияло на его решение. У нее была дочь Лиза трех лет от предыдущего мимолетного брака, которую воспитывали родители Нины. Желудин в редкие приезды Лизы ходил с ней гулять по бульвару. У Нины материнские чувства были развиты слабо. Про первого мужа она вспомнила только раз, назвав его заурядным самцом без полета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.